
КНИГА ВТОРАЯ
В ГЛАВНОЙ РОЛИ
Хейз
Ксения Кантор
18+

Ксения Кантор

В главной роли Хейз.

«Автор»
2026

Кантор К.

В главной роли Хейз. / К. Кантор — «Автор», 2026

Она предала меня. Разбила сердце, растоптала веру в людей и ушла, не оглянувшись. Я поклялся забыть её и почти преуспел.Но прошлое не отпускает. Теперь Шелби тоже учится в Гарварде. И с каждой нашей встречей я всё отчётливее понимаю: моя ненависть лишь тонкая броня на кровоточащей ране.Придётся выбирать — остаться пленниками прошлого или рискнуть вновь довериться друг другу.Хватит ли нам сил положить конец затянувшейся войне? И хватит ли любви, чтобы услышать, простить и написать свою историю?

© Кантор К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 23
Глава 3. 41
Глава 4. 59
Глава 5. 70
Конец ознакомительного фрагмента. 74

В главной роли Хейз.

Глава 1.

Марко.

Такой поганой работёнки у меня отродясь не было. А ведь знал: не стоит связываться с богачами. Дерьма в их жизни примерно столько же, сколько денег. Но бог свидетель, я пошёл на эту сделку только ради дочери.

Год назад моей Лилиан диагностировали лейкемию. Требовалась пересадка костного мозга. Я крутился как мог, но медицинские счета были такими огромными, что оплатить их мог разве что миллионер. Не совру, если скажу, что мы с супругой пребывали в полнейшем отчаянии. Даже не так — достигли его дна. Наблюдать, как твой единственный ребёнок день ото дня угасает, бьётся в судорогах от высокой температуры, а ты не можешь сделать ровным счётом ни-че-го… Такого не пожелаешь и злейшему врагу. Поэтому, когда на меня вышел клиент с весьма необычным запросом, я не имел права отказаться, поскольку предложенная сумма давала моей девочке шанс выжить.

Но сейчас, стоя напротив заказчика, я испытываю смешанные чувства. С одной стороны — огромную благодарность, с другой — невероятную досаду от того, что всё закончилось именно так.

Я выкладываю на стол карту памяти: крошечный кусочек пластика, который почти ничего не весит, но только не в плане значимости. На нем сохранены гигабайты компромата на семейство Эллингтон.

— Здесь видеозапись разговора Майкла с исполнителем, — говорю я своему нанимателю. — Оба лица попали на камеру. Прямое доказательство того, что Майкл — заказчик покушения. Помимо этого, я загрузил все значимые записи телефонных разговоров Николаса.

Мужчина за столом несколько секунд гипнотизирует карту взглядом, а затем с тяжёлым вздохом всё же аккуратно подцепляет её пальцами.

— Спасибо, Мартин. Отличная работа.

К слову, Мартин Райт — мои настоящие имя и фамилия.

— Мистер Кингсли, я надеюсь, оба ублюдка — и отец, и сын — получат по заслугам, но… Шелби… Она искренне любила вашего сына. И в случившемся нет ни капли её вины…

Собеседник барабанит пальцами по столу, обдумывая мои слова. В его голубых глазах сквозит замешательство. И я его отлично понимаю. Учитывая, сколько зла причинили ему Эллингтоны, я бы тоже и слышать не желал ни об одном из них. Но чувство справедливости не позволяет мне молчать, поэтому добавляю:

— Запись последнего разговора Николаса с дочерью поможет многое прояснить. Например, почему с вашего старшего сына так быстро сняли все обвинения и что стало причиной её разрыва с Хейзом. Прослушайте, пожалуйста, и решите, как быть дальше.

— Непременно. Вот вторая часть оплаты.

С этими словами он кладёт на стол пухлый конверт.

Взяв деньги, я пожимаю ему руку и прощаюсь.

Выйдя из дома Кингсли, впервые за эти долгие месяцы я дышу полной грудью. Будто наконец сбросил с плеч тяжкий груз.

Когда весной в мой офис заявился мистер Кингсли с предложением шпионить в доме своего заклятого врага, первым порывом было отказаться. Ведь я — частный детектив, и работа под прикрытием в список моих услуг не входила. Но, как я уже упомянул, предложенная сумма полностью покрывала расходы на операцию для дочери. Это и положило конец сомнениям.

К новой работе я приступил ещё в апреле: установил во всех комнатах прослушку, став ушами и глазами Кингсли в доме Эллингтонов. А парочка моих сотрудников вела непрерывную слежку за отцом и сыном. Все подозрительные или компрометирующие сведения тут же отправлялись Джону Кингсли.

Всё шло идеально… пока не появилась Шелби.

Почему-то Николас решил приставить к дочери именно меня, хотя телохранителей в его штате было предостаточно. Перспектива сутками охранять избалованную, взбалмошную девчонку совершенно меня не прельщала. К тому же это существенно осложняло мою задачу. Но Шелби оказалась совсем не такой, какой рисовало её моё воображение.

Во время поездки в Италию я увидел перед собой растерянного и перепуганного ребёнка. И хотя моя дочь была на пять лет младше Шелби, я не мог отделаться от вспыхнувших почти отцовских чувств к ней. И чем больше узнавал её, тем сильнее хотелось защищать и оберегать. Нет, вовсе не от внешних угроз — их как раз не было. Настоящая опасность таилась внутри семьи.

Давление, откровенная жестокость и неприязнь со стороны отца и брата просто не укладывались у меня в голове. Я видел в жизни много безумного дерьма: подставы, убийства, махинации, измены. Но издевательства над собственным ребёнком… Матерь Божья! По-моему, это за гранью добра и зла. Людям, способным на такое, не место в мире, где светит солнце. Они должны томиться в бетонных клетушках за очень-очень толстыми решётками.

Иными словами, мне было чертовски жаль Шелби. Довольно быстро забота о ней стала для меня если не первостепенной, то не менее важной задачей, чем выполнение заказа.

Да, работа усложнилась, но я справлялся. Днями напролёт приглядывал за ней, а ночами разбирал данные слежки и записи прослушки. Всё самое важное по-прежнему отправлял Кингсли. Уставал как чёрт, научился спать стоя и сидя, используя любую возможность для отдыха. Но потом случился Хейз… и всё окончательно пошло вразнос.

С самого начала было ясно: ничего хорошего из этой связи не выйдет. Я видел, как бесятся Николас и Майкл, слышал, какие отвратительные разговоры эти двое ведут между собой. Но последней каплей стала совместная поездка Шелби и Хейза в Грецию. Как только выяснилось, что парочка отправилась туда вместе, и отец, и брат слетели с катушек. Особенно последний.

Ещё будучи в Греции, я узнал от своих агентов, что готовится покушение на Хейза. Когда нам наконец удалось выяснить, что именно задумал Майкл, меня уже уволили, так что я заявился в дом к дедуле Эллингтон. Мой телефон невозможно было отследить, поэтому я настоял, чтобы в службу спасения Шелби позвонила именно с него. А после предупредила Хейза. К счастью, нам удалось его спасти.

Так к чему я всё это? Если подвести итог, я сделал всё возможное, чтобы главные действующие лица этой истории остались живы. И, по сути, добросовестно выполнил свою работу. А что до случайных жертв… Увы, здесь я оказался бессилен. Никто не мог предугадать, что обдолбанный наркотой Майкл заявится с пушкой в ресторан и откроет стрельбу.

Без сомнения, тот вечер навсегда останется в моей памяти одним из самых напряжённых в жизни.

Три дня назад.

Я только что закончил прослушивать последнюю запись, и меня одолевают самые мрачные опасения. Судя по услышанному, Эллингтоны не собираются останавливаться — напротив, готовятся нанести финальный удар. Речь шла о каких-то подставных актёрах и снимках, но самое неприятное — они всерьёз намеревались упечь Шелби в клинику.

Я ещё раз включаю запись и закрываю глаза, чтобы лучше сосредоточиться.

— Не сомневаюсь, у неё будет срыв, когда она увидит фотки, — звучит самодовольный голос Майкла. — Идеальный момент, чтобы повязать её и отправить на месяц-другой в психушку.

— Не знаю… — задумчиво тянет Николас. — Мне не очень нравится идея, что её будут пичкать всякими препаратами. А вдруг возникнет зависимость?

— Нам только на руку. Подсядет на успокоительные и как миленькая будет выполнять все твои требования. — В этот момент Майкл, по-видимому, решает усилить напор. Его голос становится резче, а слова — жёстче. — Отец, разве ты не видишь, она совсем отбилась от рук?! Или тебе понравился обыск в доме? А ведь это всё из-за неё! Уверен, именно Элизабет со своим дружком дали наводку полиции. Дальше будет только хуже. Нельзя терять времени, нужно как можно быстрее изолировать её. И выбить всю дурь из башки.

Мои кулаки невольно сжимаются. Крайне сложно оставаться равнодушным и непредвзятым, когда ни в чём не повинную девчонку планируют упечь в психушку. А между тем, уж если кто и нуждается в психиатрической помощи, так это Майкл. Отец даже не подозревает, что сын давно и серьёзно сидит на психотропных веществах. Как не подозревает о том, что именно он организовал покушение на Хейза. Если кто и подведёт Николаса к тюремному сроку, так это сын, но никак не дочь. Однако вся агрессия почему-то направлена именно на неё. Словно глава семейства смотрит на сына сквозь фильтр, скрывающий всё дерьмо.

Что это — тупость? Или слепая родительская любовь?

— Ладно, будь по-твоему, — вздыхает Николас. — Организуй фото в самое ближайшее время. Кстати, мне сказали, она вернулась к старику. Сидит тише воды, ниже травы. Кингсли к ней не приезжал.

— Это ничего не значит. Мне вот-вот должны прислать распечатки её СМС-переписки с ублюдком. Готов поспорить, там много интересного.

— Держи меня в курсе.

Этот разговор состоялся два дня назад. Прослушав его ещё раз, я задумываюсь, как лучше поступить. И прихожу к однозначному выводу: надо действовать. Немедленно. Во-первых, предупредить парочку, что их переписка доступна посторонним. Во-вторых, попросить Хейза спрятать Шелби, чтобы поганые ручонки родственников не смогли до неё дотянуться.

Размышления прерывает вибрация телефона в кармане.

— Босс, код красный! — доносится встревоженный голос моего сотрудника. — Час назад отец приказал Шелби бросить Хейза, пригрозив убить его. Мы вели её до здания мэрии, и, судя по всему, она выполнила требование отца. Но беспокоит не это. Мы сейчас едем за Майклом. Он неадекватен и вооружён.

Все мои инстинкты моментально переходят в режим боевой готовности.

— Принял. Продолжайте слежку. Как только поймёте, куда он направляется, вызывайте 911! Я еду к вам.

Открыв на телефоне программу отслеживания своих сотрудников, я выскакиваю из офиса и бегу к машине. Судя по точке на карте, они движутся к центру города.

Чёрт! Мне потребуется не меньше получаса, чтобы добраться до них! Остаётся надеяться, что ребятам удастся остановить гадёныша до того, как он что-то вытворит.

Я выжимаю из своего старого «Фольксвагена» все лошадиные силы. И хотя стараюсь держать эмоции под контролем, ладони всё равно потеют. Приходится сжимать руль изо всех сил. Я просто не имею права облажаться. Только не сейчас, когда моя миссия вот-вот закончится.

Уже в пути замечаю входящий вызов от Глории. Как же невовремя! Однако что-то заставляет меня ответить. И, как оказывается, не зря. Салон тотчас заполняет истеричный голос женщины:

— Марко! Марко! Шелби только что уехала на той здоровенной чёрной машине…

На машине? Какого чёрта? Шелби и машина — явления столь же несовместимые, как электричество и вода. Шибанёт неизбежно! И без того растревоженное сердце начинает отбивать чаще.

— Куда она уехала?

— Не знаю! У нас тут полный кошмар! — рыдает в трубку экономка. — У мистера Эллингтона приступ, он без конца твердит: «Майкл убил… Он погиб…» И непонятно, кто кого убил!

Я сбрасываю вызов и набираю своих ребят. Но не успеваю сказать ни слова, как в динамике раздаётся сухое и короткое:

— Мы слышали выстрел в ресторане. Пытаемся разглядеть через окна, какого чёрта там творится. Полицию и скорую вызвали.

— Оставайтесь там. Как только станет известно, кто пострадал, немедленно доложите!

Закончив разговор, я мучительно соображаю, как лучше поступить: мчать к ресторану или попытаться отыскать Шелби? Логика услужливо подсказывает: твоя задача — безопасность Кингсли, всё прочее неважно.

Так? Чёрта с два!

Совесть не позволяет бросить Шелби в беде. Невольно представляю на ее месте свою дочь. Хотел бы я, чтобы в сложный момент моя Лилиан осталась без какой-либо поддержки?

Однозначно нет!

Вспомнив, что на чёрном «Эскалейде» тоже установлен маячок, я быстро определяю местоположение машины. И меня тут же прошибает холодный пот. Точка находится чуть поодаль от того злополучного поворота. Какого чёрта она там забыла? Но самое странное — машина не движется!

Учитывая «шедевральные» навыки вождения бывшей подопечной, мой напряжённый мозг находит этому только одно объяснение.

Твою ж мать!

Гневно ударив по рулю, я резко разворачиваюсь на шоссе и мчу к точке на карте.

К тому моменту, как подъезжаю, сумерки уже окончательно сгущаются. Свет фар выхватывает из темноты остановившееся на обочине авто с включённой аварийкой. А за ним, чуть поодаль… перевёрнутый джип!

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

На чистом адреналине выскакиваю из машины и бегу к «Эскалейду».

Незнакомая женщина разговаривает по телефону — судя по долетающим фразам, со службой спасения. А мужчина безуспешно пытается открыть водительскую дверь.

Не описать словами, что я чувствую в ту секунду, когда вижу Шелби. Она висит на ремне безопасности, как один из тех манекенов, что используют в краш-тестах. Лицо и светлые волосы залиты кровью, руки безвольно свисают по обе стороны от руля.

Я зову её, но Шелби не реагирует.

Отстранив незнакомца, я дёргаю дверь на себя, но тщетно. Видимо, её заклинило от удара. Как одержимый, вновь и вновь тяну злосчастную железку, пока она наконец не поддаётся. Осторожно забравшись в салон, нащупываю застёжку ремня безопасности и расстёгиваю её. Обмякшее тело тут же падает мне в руки. Подхватив Шелби, несу её подальше от машины и как можно осторожнее опускаю на землю.

Первым делом нащупываю пульс на шее и только после этого выдыхаю. Жива, хоть и без сознания. Но расслабляться рано. Кто знает, какие внутренние повреждения она получила?! Я лихорадочно ощупываю её руки и ноги, проверяя, нет ли переломов, затем живот, хотя понимаю: если есть внутреннее кровотечение, я ничем не смогу помочь.

Спустя бесконечно долгие минуты рядом останавливается скорая. Я наблюдаю, как парамедики перемещают Шелби на носилки, фиксируют шею и быстро загружают в салон.

Не знаю, когда спохватится её «семья», да и спохватится ли вообще. Поэтому, не теряя времени, запрыгиваю в свою машину и неотступно следую за скорой до ближайшего госпиталя.

Шелби.

Мне с трудом удаётся разлепить тяжёлые веки. Перед глазами словно туман с моросящим дождём — картинка рябит и плывёт. Ни чёткости, ни красок, только серая невнятная муть. Но всё же я различаю окно, плотно прикрытое жалюзи. Судя по всему, сейчас день. Проникающий сквозь узкие щели свет ложится косыми полосками на совершенно незнакомые стены.

Я поднимаю руку и замечаю вставленный в вену катетер. Мой взгляд скользит вдоль выходящей из него трубки и останавливается на стойке с двумя подвешенными пакетами. Справа виднеется медицинское оборудование. Я считываю показания с монитора: пульс — шестьдесят ударов в минуту, и мерно бегущая линия кардиограммы. Однако это не объясняет главного: как я оказалась в больнице? Что случилось?

Всеми силами пытаюсь сообразить, вот только голова словно стянута стальными обручами — даже думать больно. Мысли текут вяло и сразу же теряются под натиском тошноты. Во рту ощущается противный привкус лекарств. Пытаюсь сглотнуть, но тщетно. Язык превратился в наждачку и прилип к нёбу. Мне так паршиво, а сознание настолько зыбкое, что я вновь проваливаюсь в гулкую, безликую пустоту.

Открыв глаза в следующий раз, обнаруживаю, что мне немного лучше. Зрение обрело чёткость, голова почти не болит. Я даже могу ею двигать. Слева от кровати обнаруживается тумба с цветами, наискосок — дверь из палаты. Но стоит повернуть голову вправо, как мой взгляд натыкается на сидящего в кресле мужчину и замирает.

Последние воспоминания вихрем проносятся в голове, наполняя мозг жуткими картинками. Разрыв с Хейзом, приступ отца, его бормотание насчёт смерти, два вспыхнувших в темноте зелёных огонька… и перевёрнутый вверх ногами мир.

Меня тотчас затапливает ужас. Так вот почему я оказалась в больнице! Авария! Я снова не справилась с управлением! На всём белом свете не сыскать большей идиотки, чем я.

Но сейчас все мои мысли занимает другое.

— Где Хейз? Что с ним?

При звуке моего хриплого голоса мужчина резко вскидывает голову и в два шага оказывается рядом.

— Т-ш-ш. С ним всё в порядке.

— Но…

— С ним правда всё хорошо, — успокаивает меня Марко и с опаской смотрит на монитор. — Постарайся не нервничать. Если эти приборы запищат, меня моментально выпрут из палаты. А мне и так пришлось подкупить медсестру, чтобы пустили к тебе. — Он легонько сжимает мои пальцы. — Сделай глубокий вдох. Вот так, умница. Дыши.

Я послушно выполняю его указания, стараясь унять сердцебиение. Но мне нужны ответы. Немедленно!

— Что… что произошло? В голове всё путается, но я точно помню: отец говорил что-то про убийство. Про Майкла…

На лице Марко отчётливо проступают следы внутренней борьбы. Он явно сомневается, стоит ли говорить об этом сейчас. Его взгляд вновь устремляется на монитор. Видимо, там не всё так плохо, поскольку следом раздаётся тяжёлый вздох, а затем — шокирующее признание:

— Твой брат обдолбался наркотой и заявился в ресторан с оружием. К несчастью, он застрелил Дерека Моргана. — В серых глазах вспыхивает неподдельное сочувствие. — Мне очень жаль. Парень погиб на месте.

Новость врезается в сознание остро заточенным клинком. В глазах скапливаются слёзы, сердечный ритм сбивается, а грудь сжимает так сильно, что перехватывает дыхание.

Господи, не представляю, каково сейчас Хейзу! Ведь они были лучшими друзьями. А родители Дерека? Как? Как можно пережить столь чудовищную утрату?!

— Шелби, дыши. — Голос Марко становится жёстче, ему вторит тревожное попискивание монитора. — Чёрт! Зря я тебе всё это рассказал. Надо срочно звать медсестру.

— Нет, нет, — бормочу я сквозь ком в горле. — Сейчас… дай мне минутку.

Пытаюсь успокоиться, но боль возвращается с утроенной силой. Виски пульсируют, и кажется, будто глазные яблоки сейчас выдавит из орбит. Инстинктивно тянусь к голове — проверить, не расплющилась ли она. Но пальцы нащупывают бинты. Они покрывают лоб, макушку…

— Что это? — в ужасе спрашиваю Марко.

— Ты ударилась во время аварии. Пришлось наложить швы. Но не переживай, скоро волосы отрастут и закроют шрамы.

— Мне сбрили волосы?

Он поджимает губы и окидывает пристальным взглядом мою несчастную голову.

— Судя по всему, не все… Только половину.

Вот тебе и новость. Но по сравнению с остальным — сущие пустяки.

Я прошу дать мне попить. К моим губам тут же прикасается трубочка, и я жадно глотаю воду. Напившись, чувствую, как боль понемногу стихает, а сердце успокаивается.

— Сколько я здесь?

— Двое суток. Доктора держали тебя на успокоительных, чтобы дать организму восстановиться.

Марко берёт мою медицинскую карту и изучает её с таким вдумчивым видом, словно имеет докторскую степень по медицине.

— Ты удивительно везучая, Шелби. После такой аварии — всего-то сотрясение, несколько швов, гематомы, ушиб грудной клетки… и вдребезги разбитое сердце.

Он испытующе смотрит на меня. Но странное дело: ни привычной холодности, ни отчуждения в его серых глазах нет. Только огромное беспокойство. Непривычно видеть Марко таким человечным. Немного помолчав, он тихо спрашивает:

— Значит, всё кончено?

— А сам-то как думаешь? Я бросила Хейза за пять минут до свадьбы. Мой брат убил его лучшего друга. Уверена, Хейз проклял меня и мою семейку на веки вечные. — Становится так горько, что хочется умереть. — И едва ли когда-нибудь сможет простить. Но я должна найти способ увидеться с ним, объясниться. Если есть хоть крошечная надежда вернуть его, я сделаю это.

Губы мужчины трогает печальная улыбка.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь. Вас двоих словно магнитом тянет друг к другу, и никакие обстоятельства не способны этого изменить.

Слова Марко немного успокаивают. Я делаю глубокий вдох. Потихоньку эмоции отступают, вот только на их место спешат другие заботы и мысли.

— Где сейчас Николас и Майкл?

— Твой отец перенёс инфаркт, доктора провели операцию. Сейчас он в палате интенсивной терапии. Опасность миновала… но только в том, что касается здоровья. Насколько мне известно, его бизнесом очень заинтересовалась налоговая служба. И, боюсь, уже первые проверки выявили серьёзные махинации.

Я прислушиваюсь к себе и понимаю: ни малейших признаков беспокойства или сожаления. Лишь пустота. Мне всё равно.

— Что до Майкла, — продолжает Марко, — его будут судить за предумышленное убийство, стрельбу в общественном месте, хранение и употребление наркотиков. Также ему предъ-

явлено обвинение в организации покушения на Хейза. — Заметив мой ошеломленный вид, Марко удручённо кивает. — Да, это он подстроил взрыв.

Услышав это, я в ужасе закрываю глаза. Убийца, наркоман, похититель… Просто не верится! Мой некогда любимый братишка превратился в чудовище. Произошедшие с ним изменения оказались куда более глубокими и ужасающими, чем я думала.

С другой стороны, чего ещё ожидать? Ведь год за годом отец лепил сына по своему подобию, взращивая в нём самые отвратительные качества. И ученик превзошёл своего учителя.

— Добавь к этому шантаж, угрозы и похищение, — бормочу я, едва сдерживая готовые вновь пролиться слёзы.

В этот момент моё сердце оплакивает вовсе не преступника, который заслуженно оказался в тюрьме, а того светлого, отзывчивого парня, каким был брат до моего отъезда в Италию. Ещё больнее от осознания, что с тем парнем мы никогда больше не встретимся. Его больше нет.

Наблюдая за мной, Марко тяжело вздыхает и кивает:

— Знаю, Шелби. Он причинил тебе много зла. У обвинения тоже достаточно материалов. Мне жаль, но, боюсь, всё это тянет на пожизненное.

— А мне не жаль. Надеюсь, оба получат по заслугам. Я попрощалась с братом в тот момент, когда он запер меня в комнате. И похоронила отца, когда он бил меня по лицу, кричал, что я шлюха, и угрожал убить Хейза. У меня больше нет ни отца, ни брата.

Мне не впервой чувствовать себя одинокой, но пропасть, которая сейчас разверзлась подо мной, не идёт ни в какое сравнение с тем, что я переживала прежде. Ничего не будет как раньше. И не нужно быть гением, чтобы понять это. Семья предала меня, а парень, которого я любила всем сердцем, теперь испытывает ко мне лишь ненависть. И неизвестно, какая судьба ждёт меня впереди.

Наверное, чуть позже придут нужные мысли и решения. Я как-нибудь приспособлюсь, что-нибудь придумаю. Но сейчас меня целиком накрывает безысходность.

Марко слегка сжимает мою руку, всем своим видом выражая поддержку. И вроде бы я должна испытывать благодарность, но вместо этого меня изнутри разъедает отчаяние. Обычно пациентов навещают самые родные и близкие люди, а рядом со мной лишь чужой человек, о котором я ничего не знаю. Кроме одного: он ничего мне не должен. И тем не менее он здесь.

Я решаюсь задать давно мучивший вопрос:

— Ты ведь работаешь на Кингсли?

Тёмные брови удивлённо приподнимаются, словно Марко не ожидал от меня такой сообразительности.

— Чем я себя выдал?

— В тот вечер, когда готовилось покушение на Хейза. Ты переживал не меньше меня.

— Подловила, — кивает он. — Ладно, так и быть, признаюсь. Меня нанял Джон, чтобы я был в курсе планов Эллингтона и предупреждал об опасности.

Что ж, это всё объясняет. И помощь, и участие, и хорошее отношение охранника ко мне. Ведь я никогда не желала Кингсли зла.

— Ты отлично справился. Но никак не пойму, почему ты здесь, со мной?

На некоторое время в палате повисает тишина. Слышится лишь мерный гул мониторов да отдалённые голоса из больничного коридора. Я уже не рассчитываю услышать ответ, когда вдруг раздаётся негромкий голос:

— Хочу дать совет.

Эти слова ставят в тупик. Ожидая продолжения, я не свожу с собеседника вопросительного взгляда.

— После выписки переезжай к дедушке. В родном доме тебе не будет ни покоя, ни счастья.

— Читаешь мои мысли. Вот только у меня нет денег. Не представляю, как быть дальше.

— Воспользуйся приёмом отца — торгуйся. Вскоре тебя навестят сотрудники полиции. Попробуй до этого выторговать себе свободу и деньги.

— Не совсем тебя понимаю…

— Ты можешь дать показания против брата — рассказать всё, что тебе известно. И промолчать насчёт участия отца. Тем более, большинство его угроз действительно остались только на словах.

— Но это же сокрытие! — возмущаюсь я.

Марко успокаивающе поднимает ладони:

— Николас ничего не знал ни про взрыв, ни про намерение Майкла заявиться в ресторан с пистолетом. Это правда. Но то, что он делал с тобой, можно расценить, как жестокое обращение и добиться наказания. Поверь, он прекрасно это понимает и пойдёт на любую сделку, лишь бы отвести от себя угрозу сесть в тюрьму. Сыграй на этом. Предложи молчание в обмен на деньги.

— Думаешь?

— Уверен. Я достаточно хорошо изучил Николаса. Страшнее смерти для него только позор. Он уже снял свою кандидатуру с выборов по причине резкого ухудшения здоровья. Само по себе удар ниже пояса. А если будут ещё расследование и суд… Он точно такого не переживёт. Так что тебе все карты в руки.

Легче сказать, чем сделать. У отца броня покруче, чем у танка. Едва ли он согласится на мои условия. Но попробовать стоит, ведь у меня нет ни малейшего понятия, как жить одной, без денег, без поддержки.

Вот уж действительно бродяжка. Некогда придуманное Хейзом прозвище обрело вполне реальное значение.

Отогнав непрошеные мысли, я заставляю себя вновь сосредоточиться на разговоре.

— Спасибо, Марко. Ты единственный, кто не бросил меня. И я очень, очень благодарна тебе.

— Пожалуйста, — говорит он с тёплой улыбкой. — И ещё… Меня зовут Мартин Райт. И если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, ты всегда можешь на неё рассчитывать.

От этих слов у меня перехватывает дыхание, к горлу подступает ком размером с футбольный мяч. Я слишком хорошо понимаю, что последует дальше. Читать между строк и слышать недосказанное — один из моих талантов.

— Похоже на прощание. — Мой голос звучит подавленно и печально.

— Так и есть. Мне пора возвращаться к семье и прежней работе. Береги себя, крошка.

Я киваю, не в силах произнести ни слова. Мы тепло обнимаемся, после чего Марко-Мартин уходит. Меня же бетонной плитой придавливает усталость. Приказав себе ни о чём не думать, я закрываю глаза. И тотчас перед мысленным взором появляется лицо Хейза — такое, каким я видела его в последний раз: злое, разочарованное, с неприкрытой ненавистью в глазах.

И мои веки вновь обжигают горячие слёзы.

Хейз.

Я стою напротив четырёхэтажного здания из красного кирпича. Адамс-Хаус — одно из двенадцати студенческих общежитий, расположенное ближе всех к Гарвардскому двору. В разные годы здесь жили 32-й президент США Франклин Д. Рузвельт, госсекретарь Генри Киссинджер и ещё несколько исторически значимых личностей. Но сейчас мои мысли занимает вовсе не богатая история дома и не его великие постояльцы.

От входных дверей меня отделяют три шага. Всего три долбаных шага. Но я не могу пошевелиться: ноги словно вросли в асфальт. Ведь на втором этаже находятся апартаменты, которые мы делили с Дереком с самого первого дня обучения. И там до сих пор хранятся его

вещи. Вещи, которые мне предстоит собрать, упаковать в коробки и отправить транспортной компанией в Нью-Йорк. Его семье.

Но где найти силы сделать это? Кажется, вместе с коробками исчезнет огромная и важная часть моей жизни. Отколется, как кусок от айсберга, а всё, что останется, уйдёт под воду. Грудь затапливает нестерпимая боль утраты. Режет нутро лезвиями, сдавливает горло — точно я уже тону.

Я понуро опускаю голову и крепко зажмуриваюсь. Больше всего на свете мне хочется обнаружить в комнате своего друга. Живого и усмехающегося. Дать ему пять, взять по бутылочке пива и устроиться на диване, чтобы отметить начало третьего года обучения, потрепаться о том о сём… Головой я всё понимаю, уговариваю себя принять, смириться, но сердце негодующе толкается в рёбра, отказываясь верить.

Я терял друзей по разным причинам. Ссоры, расхождения во взглядах, вероломные поступки. Бывало, злился, даже мстил. Бывало, напротив, испытывал облегчение. Но все эти люди жили дальше. Где-то, как-то, но жили. Никогда прежде моих друзей не забирала смерть. И сейчас я чувствую такую тоску и беспомощность от невозможности что-либо исправить, что хочется орать. А ещё лучше — бить по стенам, пока не сломаются либо они, либо мои кости.

Внезапно кто-то легонько хлопает меня по плечу. Повернув голову, я обнаруживаю справа Майлза Хаксли. Ещё один хлопок, и с другой стороны встаёт Шейн. Их светлые волосы привычно торчат в разные стороны, на абсолютно одинаковых лицах немного грустное, смиренное выражение. Они приняли и отпустили. А я не могу.

— Эй, приятель, так и будешь стоять? — спокойно спрашивает Шейн.

— Да, бро, — поддакивает Майлз, — заканчивай. Давай просто сделаем это. Вместе.

Не говоря ни слова, я достаю из кармана джинсов ключи и заставляю себя шагнуть к дверям. Вместе мы входим в наполненный тишиной вестибюль и поднимаемся на второй этаж. Я пропускаю ребят вперёд, а сам останавливаюсь на пороге комнаты Дерека. На столе ровными стопками высятся книги и конспекты, на кровати лежит его бейсболка… Словно друг вышел на минуту и вот-вот вернётся. А после начнётся новый семестр: лекции, семинары и пятничные вечеринки — куда ж без них.

— Сейчас вернусь, забыл коробки в машине, — глухо бросаю я и резко разворачиваюсь к выходу.

Мне нужно ещё немного времени. Хотя бы пару минут.

Выскочив на улицу, я подхожу к своему новому авто — точной копии того, что взорвалось. После разбирательства страховая возместила мне полную сумму, а дилер «Астон Мартина» любезно продал новую машину и даже добавил несколько навороченных опций за лояльность бренду. Когда-то меня бы это порадовало, но только не сейчас. Ведь единственный человек, который оценил бы обновку и не раздумывая рванул испытывать её в деле, мёртв. А его убийца жив и здоров. Пусть и в тюрьме, вот только от этого не легче.

Стоит подумать об этом, как меня вновь начинает колотить от ярости. Кровожадная часть меня жаждет самого сурового наказания. И это вовсе не смертная казнь. Нет, я желаю Майклу Эллингтону пожизненного заключения. Пусть прочувствует каждый день, каждый месяц, каждый год за решёткой. А ещё надеюсь, сокамерники устроят ему очень «тёплый» приём и будут измываться над ним до конца его дней. Хочу, чтобы он подошел к закату жизни глубоко больным, затравленным человеком и покинул тюрьму в закрытом гробу.

И у меня нет ни единого повода сомневаться, что всё случится именно так.

Я не присутствовал на предварительных слушаниях, опасаясь собственной реакции. Не уверен, что, увидев ублюдка, не вцепился бы ему в глотку. Но руку на пульсе держал. Из достоверных источников мне известно, что Майклу предъявлены обвинения в нескольких особо тяжких преступлениях. И каких бы зубастых адвокатов ни нанял ему отец, уроду не стоит рас-

считывать на снисхождение и сокращение срока, не говоря уже об освобождении. Это просто нереально. Учитывая характер преступлений, судья будет беспощаден. Как и присяжные.

От мыслей о гниющем в камере Эллингтоне становится чуточку легче. Но не настолько, чтобы вновь обрести способность нормально дышать.

Я хочу уничтожить не только Майкла. Всю его семью. В особенности ту дрянь, чьё имя до сих пор вызывает ненависть. Своим предательством она сокрушила всё хорошее и светлое, что было во мне, оставив лишь чёрную, пылающую, как подожжённый мазут, жажду возмездия. Самого изощрённого и мучительного.

И тот факт, что дело Майкла и финансовые махинации его отца вызвали широкий общественный резонанс, даёт все основания полагать, что моя жажда будет удовлетворена в полной мере.

Народ негодует, проклиная всю привилегированную семейку. Принадлежащую им сеть магазинов «Лоу Кост» бойкотируют, а особо рьяные покупатели закидывают витрины помоями, устраивают беспорядки, сбрасывают товар с полок и портят его. Журналисты строчат одну разгромную статью за другой, вываливая на всеобщее обозрение неприглядные подробности жизни Эллингтонов. И хотя многое из этого — конфиденциальная информация, мы с отцом и мистером Морганом (отцом Дерека) постарались, чтобы она дошла до журналистов.

Иными словами, всю семейку щедро поливают грязью. И это только начало. Впереди их ждут долгие месяцы жесточайшей травли и позора. По крайней мере, я сделаю всё возможное, чтобы даже после расследования и вынесения приговора пресса ещё долго не забывала о проклятой семейке. От такого не спрятаться и не отмыться. Не в этой стране.

Обо всём этом я размышляю, тупо уставившись на стопку сложенных картонок в своём багажнике. Очнувшись, несколько раз моргаю, вспоминая, зачем сюда пришёл. И понимаю: именно за этим! Напомнить себе: Дерек будет отомщен, все Эллингтоны понесут наказание за содеянное!

А что касается меня… Я должен жить дальше, чтобы своими глазами увидеть обвинительный приговор и падение некогда могущественного рода. Ради Дерека. И всеми доступными способами наказать за предательство ЕЁ. Ради себя.

С этими мыслями я достаю коробки, закрываю багажник и возвращаюсь в общежитие.

За следующие пару часов мы с ребятами полностью освобождаем комнату от вещей. Все они помещаются в четыре коробки. Закончив, я потерянно оглядываюсь.

Как жаль, что нельзя вот так же упаковать свои воспоминания и хотя бы ненадолго спрятать. А позже, когда утихнет острая боль, постепенно, одно за другим, доставать их из архивов памяти, рассматривать, предаваться ностальгии. Уже без надрыва, лишь с затаённой печалью. К сожалению, человеческая память устроена иначе.

— Пойдём, бро, — зовёт Майлз. — Нужно отнести всё вниз.

Мы переносим коробки на улицу и устраиваемся на ближайшей лавочке. Пока ждём машину транспортной компании, Майлз внезапно заводит разговор:

— Послушай, мы тут подумали… Больше нет никакого смысла торчать в кампусе. И подыскали клёвый дом с тремя спальнями.

— Идеальный, — как обычно, подхватывает Шейн. — Для всех нас. Ты же не думал, что мы бросим тебя?

Признаться, я вообще пока не думал о том, где буду жить, с кем… Не до этого было. И сейчас предложение друзей выглядит спасением.

— Спасибо, парни, — киваю я, ощущая огромную благодарность.

Чертовски приятно знать, что я не останусь один на один со своим горем.

— Кстати, дом неподалёку. Давай прокатимся, посмотрим?

— Не возражаю.

Как только вопрос с транспортировкой улажен, мы отправляемся на просмотр. Признаться, двухэтажный дом, облицованный тёмно-серым камнем, производит хорошее впечатление. К тому же на подъездной дорожке достаточно места для моего авто.

Внутри тоже вполне уютно. Стены выкрашены в приятный бледно-серый цвет, в каждой комнате стоит современная мебель, а яркие детали декора оживляют интерьер. В просторной гостиной обнаруживаются вместительный диван и впечатляющая плазма с навороченной акустической системой. На втором этаже — три уютные спальни, небольшие, но со всем необходимым.

Названная арендная плата кажется слегка завышенной, но, если разделить на троих, вполне приемлема.

— Ну что скажешь? — Шейн слегка толкает меня плечом. Судя по довольной физиономии, он уже вовсю предвкушает разнузданные вечеринки.

— Скажу, что веселье только по пятницам. И дежурим по кухне по очереди.

— Зануда… Звучит безумно скучно, но мы согласны, — ворчливо отзывается друг и, посерьёзнев, добавляет: — Однако у нас тоже есть условие. Каждую субботу ты одалживаешь нам свою новую тачку.

От такой наглости я теряю дар речи. В голове мгновенно возникает несколько причин для отказа. Главная из них — своенравный характер авто. Близнецам ни за что не справиться с управлением. Всё закончится тем, что Хаксли угробят и себя, и тачку.

Вдоволь налюбовавшись моим вытянувшимся лицом, парни не выдерживают и разражаются дружным гоготом.

— Да расслабься, бро! Мы пошутили.

— Тогда я в деле, — выдыхаю я.

Хаксли сверкают довольными улыбками, а после наперегонки несутся на второй этаж, чтобы занять понравившиеся спальни. Оказывается парни уже обо всем договорились с арендатором и ждали лишь моего согласия.

В итоге Майлз отхватывает себе самую просторную, Шейн выбирает ту, где есть шведская стенка. Мне достаётся угловая комната со встроенным гардеробным шкафом, двуспальной кроватью, стеллажом для книг и добротным столом напротив окна. Учитывая, что большую часть времени я буду проводить в стенах универа, а здесь только ночевать, места более чем достаточно.

Но главное — в спальне имеется отдельный санузел с душевой. Мои новые соседи упустили этот нюанс: дверь расположена в небольшой нише, и при беглом осмотре её легко не заметить. Усмехнувшись про себя, я выхожу и спускаюсь на первый этаж. Майлз вручает мне комплект ключей.

— Мы погнали за продуктами. А ты двигай за своими вещами. Увидимся позже.

— Договорились.

Направляясь обратно к кампусу, на этот раз за своими вещами, я прихожу к выводу, что всё складывается не так уж плохо, как представлялось вначале. Совершенно неожиданно у меня появилось новое жильё, два не самых спокойных, но надёжных соседа, а впереди — третий курс бакалавриата.

Хорошее начало. И мне бы выдохнуть, успокоиться, вот только мир по-прежнему воспринимается исключительно в чёрно-белых тонах, а боль утраты разъедает нутро. Я ни на секунду не забываю: этот день не будет прожит Дереком. Как завтра, послезавтра и так до конца моих собственных дней. У него отняли не просто жизнь, а миллионы радостных моментов, побед, улыбок, впечатлений.

И этого не исправить.

Шелби.

С момента аварии прошло четыре дня. Меня до сих пор мучает сильнейшее головокружение, а тело кажется чужим: конечности ватные, внутри непрекращающаяся дрожь. Но я заставляю себя встать и сделать пару шагов. В какой-то момент окружающее пространство угрожающе кренится, и я изо всех сил цепляюсь за спинку кровати, пытаясь удержать равновесие.

Именно в этот момент входит медсестра с подносом в руках. Мигом оценив моё бедственное положение, она поспешно ставит поднос на столик и подскакивает ко мне.

— Мисс Эллингтон, вам нельзя вставать! Доктор Гросс сказал, что ещё как минимум двое суток вам надлежит оставаться в постели.

Руки медсестры бережно обхватывают мою талию. С её поддержкой я чувствую себя увереннее.

— Знаете, пользоваться уткой совсем не весело, — ворчу я. — Хотела дойти до туалета.

Женщина на секунду замирает, затем тяжело вздыхает.

— Хорошо, давайте вместе.

Мы доходим до уборной. Медсестра помогает опуститься на унитаз, но уходить и не думает!

Справлять нужду под надзором — то ещё испытание, но всё же не идёт ни в какое сравнение с уткой. Вот уж где настоящая неловкость!

Вернувшись в кровать, я чувствую себя так, словно прошла несколько километров. Меня вновь накрывает жуткая усталость. Кое-как запихиваю в себя немного больничной еды. После этого становится чуточку лучше, но ровно до того момента, как в палату заходит Шерил.

Во все глаза смотрю на гостью, недоумевая, какого черта она здесь забыла.

Тем временем рыжая медленно приближается к кровати и окидывает меня сочувственным взглядом.

— Привет, Шелби. Как ты?

— Жива. Что ты здесь делаешь?

— Твой отец в соседней палате, — поясняет она. — Я приходила к тебе вчера, но ты спала.

— Понятно.

Хотя понятного мало.

— Он спрашивал о тебе.

Явно пытаясь скрыть неловкость, Шерил поправляет и без того идеальную укладку и вновь смотрит на меня с беспокойством.

— Мы бы хотели знать, что ты планируешь сказать полицейским.

А вот и причина визита. Они переживают вовсе не о моём здоровье, а о собственных шкурах. И вроде бы пора привыкнуть, однако столь скотское отношение пробуждает в груди яростный протест. Презрение и злость захлёстывают настолько, что я не могу выдавить ни слова, лишь сильнее стискиваю зубы.

Видимо, вся палитра эмоций отражается на моём лице, поскольку Шерил принимается нервно расхаживать по палате, заламывая руки.

— Понимаешь, Николас сейчас очень слаб, — порывисто начинает она. — Врачи буквально вытащили его с того света, и любые переживания могут отрицательно сказаться на его состоянии. А тут ещё стервятники из налоговой крепко за него взялись. Нельзя допустить, чтобы по делу Майкла он проходил как соучастник! Это убьет его!

— И это должно меня волновать, потому что…?

Лицо собеседницы тотчас вспыхивает праведным возмущением.

— Как ты можешь так говорить? Он же твой отец!

— У меня больше нет отца, — гневно выпаливаю я. — Этот человек всегда относился ко мне как к ничтожеству. Всячески унижал и помыкал мной. Он угрожал убить Хейза и заставил меня порвать с женихом за пять минут до свадьбы! Хотя бы попытайся представить, каково это!

От клокочущих эмоций перехватывает дыхание, и я вынуждена сделать паузу. Когда способность говорить возвращается, мой голос звучит глухо, но уверенно:

— Николас Эллингтон заслуживает самого сурового наказания. Я буду счастлива, если последние годы жизни он проведёт в тюрьме.

К концу моей гневной тирады Шерил становится бледнее окружающих стен. Очевидно, мои слова стали для нее полной неожиданностью. Я же внутренне подбираюсь. Ведь это только начало представления. Да-да, после совета Марко я много часов кряду провела за обдумыванием предстоящего разговора. Или, правильнее сказать, торгов?

Судорожно сглотнув, Шерил молитвенно складывает ладони и шепчет:

— Шелби, я знаю, через что тебе пришлось пройти. И прекрасно понимаю твои чувства. Но прошу, не свидетельствуй против отца. Если ему вменят соучастие, он этого не переживет! Я не могу потерять Ника…

Её слова вызывают искреннее недоумение. Она ещё молода, очень красива, умна. Зачем ей стареющее злобное чудовище, вдобавок с больным сердцем, которое может остановиться в любой момент? Вариант безудержной влюблённости я отметаю сразу. Тогда что же ею движет?

Единственное, что приходит на ум, — расчёт. Видимо, планирует пользоваться деньгами жениха так долго, как только возможно. И его гнилая сущность, похоже, нисколько её не смущает. Хотя ответ для меня очевиден, чисто из любопытства решаю уточнить:

— Ты же знаешь, какой человек рядом с тобой и на что он способен. И тем не менее просишь за него… Шерил, неужели деньги того стоят?

— Всё не так просто, Шелби, — негромко признаётся она. — Дело в том, что я беременна.

Едва ли что-то могло бы повергнуть меня в больший шок. На несколько мгновений я теряю дар речи. Даже не дышу, только смотрю на эту несчастную женщину, которая обрекает на ад не только себя, но и своё будущее дитя.

— Господи… Храни тебя и твоего ребёнка!

Слова вылетают одновременно с судорожным вздохом.

Страшно представить, какие иезуитские методы воспитания Николаса Эллингтона предстоит испытать на себе невинному младенцу. Как сказали бы сёстры в пансионе: *«Мы будем за тебя молиться»*.

Тем временем, воспользовавшись моим замешательством, Шерил резко меняет тактику:

— Теперь, когда ты знаешь, умоляю, не выступай против отца. Не ради меня или него, а ради своего брата или сестрёнки.

Мне не составляет труда раскусить её замысел. Разговор о ребёнке — не более чем манипуляция, за которой скрывается весьма корыстная цель: выйти из этой заварушки сухими и с миллионами в карманах.

Впрочем, мне есть что на это ответить. Смерив посетительницу пристальным взглядом, я приступаю к финальной части разговора, ради которой, собственно, и разыгрывался весь этот спектакль.

— Как будущая мать ты всё делаешь верно. Заботишься о своём ребёнке, уберегаешь его от безотцовщины, думаешь о будущем. Знаешь, мне бы тоже хотелось, чтобы обо мне кто-нибудь позаботился. — Я встречаюсь с настороженным взглядом собеседницы и перехожу к главному: — Я не дам показаний против него, если Николас гарантирует оплату моего обучения в школе, затем в колледже и ежемесячное содержание в размере десяти тысяч долларов. До моего двадцатиоднолетия.

Говоря это, я едва сдерживаю дрожь в пальцах от невероятного напряжения, но открывшаяся картина того стоит! Выражение лица Шерил мгновенно меняется с растерянного на остервенелое. Глаза, секунду назад смотревшие с мольбой, оценивающе прищуриваются, алые губы вытягиваются в ниточку.

Да, милочка, я тоже умею торговаться и манипулировать.

— Хорошо, я передам Нику твою просьбу.

— Это не просьба, — спокойно, но чётко поясняю я, — а моё условие. И мы заверим договорённость нотариально.

Больше не проронив ни слова, она покидает палату. Я же обессиленно откидываюсь на подушку.

Ничего себе! Я действительно сделала это! Впервые в жизни сумела довольно жёстко и категорично отстоять свои права.

Супер, Шелби! Так держать!

Спустя час передо мной вновь возникает «переговорщица» — деловая, крайне решительная, уже без тени напускного беспокойства за мою скромную персону. Действительно, к чему притворяться, если маски сброшены?

— Я договорилась с Ником. Он оплатит твою учёбу. Каждый месяц на твой счёт будет поступать содержание, чтобы ты ни в чём не нуждалась.

Чудесно! Вот только, насколько я знаю Ника, непременно последует «но».

И ведь не ошиблась!

— Никаких комментариев прессе, никакого общения с полицией, — чеканит Шерил. — Указанные в соглашении суммы окончательные и обсуждению не подлежат.

На больничную тумбу опускается распечатанный документ, где подробно расписаны условия сделки. Надо же, как быстро всё организовали!

— Я должна показать это своему юристу, — заявляю я.

— Конечно, — кивает Шерил. — Послезавтра тебя выписывают. Успеешь к тому времени?

— Постараюсь, — уклончиво отвечаю я.

Разумеется, никакого юриста у меня нет. Более того, я не имею ни малейшего понятия, где его искать. Хейз мог бы помочь, но нечего и думать об обращении к нему.

При мыслях о нём меня вновь захлёстывают вина и отчаяние. Приходится сделать глубокий вдох, чтобы усмирить невовремя хлынувшие чувства. Я вновь сосредоточиваюсь на насущном и кисло улыбаюсь Шерил.

— А ты не промах, — усмехается она. — Но не затягивай с подписью. Ник пока очень слаб, только благодаря этому согласился на твои требования. Не уверена, что через неделю он не передумает.

После её ухода я пытаюсь сообразить, к кому обратиться за помощью. На ум приходит только один человек — Марко-Мартин. Я звоню ему и выкладываю всё как есть. На мою удачу, он сразу соглашается помочь. Благодаря его связям уже к вечеру приходит ответ от юриста:

«По законам Нью-Йоркаподкуп свидетеля наказуем для обеих сторон. Поэтому я исключил из соглашения все пункты, которые можно расценить, как договорённость: «деньги в обмен на отказ свидетельствовать». И оставил лишь те, что касаются обещания оплаты учебы и содержания. В таком виде, как изложено ниже, можете подписать документ без рисков».

А вот об этом я как-то не подумала. Что ж, спасибо адвокату!

На следующий день я объясняю Шерил суть и причины изменений. К счастью, у нее хватает здравого смысла принять соглашение в новом виде. Чуть позже мы обмениваемся подписанными экземплярами.

А ещё через двое суток я благополучно выписываюсь из госпиталя. И хотя половина моей головы обрита налысо, а от виска к затылку тянется уродливый шрам, ничто не может поколебать моей уверенности. В кармане лежит гарантия финансовой независимости, но главное — *я больше не обязана видеться с отцом.*

Мне не придется терпеть и прогибаться под его властный характер.

Участвовать в грязных играх.

И никаких угроз и шантажа в свой адрес я тоже больше не услышу.

Наконец-то я освободилась. Стала хозяйкой собственной жизни.

От осознания этого меня переполняет облегчение. По спине пробегает лёгкая щекотка, словно мои маленькие сияющие крылышки вновь затрепетали. И пусть они пока совсем слабенькие, покрытые рубцами от выпавших на их долю испытаний, но уверена, со временем они окрепнут и расправятся в полную силу!

***

Перед тем как вернуться к дедуле, я еду на такси в фамильный особняк. Едва перед глазами вырастает помпезный фасад, во рту разливается отчётливый привкус горечи.

Для кого-то отчий дом — место дорогих воспоминаний и счастливых дней. Для меня же он навсегда останется тёмным, мрачным склепом, связанным с худшими моментами жизни. Необходимость вновь переступить его порог страшно угнетает. Успокаивает одно: это в последний раз и лишь для того, чтобы забрать свои вещи.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я стучу в дверь. Через минуту на пороге возникает Глория. При виде меня её глаза удивлённо распахиваются, но буквально через секунду наполняются слезами. Она порывается обнять меня, однако её опережает Эрни.

Обезумевший от счастья, он налетает на меня, чуть не сбивая с ног, и принимается скакать вокруг. Холл мгновенно заполняется восторженным повизгиванием, срывающимся на лай.

Верно говорят: собаки — это посланные на землю ангелы. Они не предадут и не разлюбят. Им всё равно, какой у тебя счёт в банке, глуп ты или умён, неудачник или везунчик и какие грехи осквернили твою душу. Их любовь безусловна и искренна.

Обнимая Эрни, впервые за долгое время я улыбаюсь и хотя бы на несколько мгновений снова вижу солнце и краски.

Вдоволь потискав своего милого питомца, я наконец обнимаю Глорию и ловлю её испуганный взгляд, обращённый на мой шрам.

— Я так боялась! — Её голос дрожит от слёз. — Когда ты выскочила из дома и села в ту страшную машину, думала, больше не увижу тебя.

— Всё обошлось, — грустно улыбаюсь я. — Спасибо. Вы всегда были добры ко мне.

— Что же теперь будет?

— Не знаю, Глория, — честно отвечаю я. — Вот приехала за вещами. Переезжаю к дедушке.

Понимаю, экономка боится за своё место, ведь работа в этом доме — её единственный источник дохода. Но порадовать мне её нечем: я ничего не знаю о планах Николаса.

Эрни тычет мокрым носом мне в бедро, словно поторапливает и напоминает, зачем я здесь. Послав Глории сочувственную улыбку, я поднимаюсь на второй этаж. В теле все еще ощущается слабость, поэтому стараюсь двигаться медленно, останавливаюсь, чтобы отдышаться. И хотя я не просила о помощи, через пять минут экономка присоединяется к сборам.

Вместе мы довольно быстро укладываем мои вещи в чемоданы. Пожитки Эрни — подстилка, миски и игрушки — умещаются в небольшую дорожную сумку. Ведь он уезжает вместе со мной.

Покончив с вещами, я иду в кабинет. Стоит переступить порог, как на плечи давящим грузом опускаются страх и безысходность, почти переходящие в панику. Воспоминания о последнем разговоре ещё слишком свежи. Мой затравленный взгляд мечется от кресла к массивному столу. Кажется, стоит моргнуть, и зловещая фигура Николаса Эллингтона материализуется из воздуха. Вновь станет угрожать, подчинять, ломать.

Приходится сделать глубокий вздох и напомнить себе: здесь его нет. Только я.

Подхожу к сейфу и набираю на электронном замке комбинацию цифр – день рождения матери. Однако замок не поддается. Со второй попытки ввожу дату рождения Майкла и замираю. Раздаётся приветливый писк, и дверца сейфа открывается.

Сработало!

Возликовав про себя, я принимаюсь бесцеремонно ворошить стопки бумаг. Нет, мне не нужны ни деньги, ни акции, ни документы на недвижимость. Но здесь хранится то, что давно должно быть уничтожено… или передано в надёжные руки.

Искомое находится в конверте у дальней стенки сейфа. Закрыв дверцу, я некоторое время смотрю на конверт, решая, как лучше поступить. И прихожу к единственно верному выводу. Сунув бумаги в сумку, выхожу в холл.

Пока мы прощаемся с Глорией, водитель такси успевает погрузить чемоданы в багажник. Кинув последний взгляд на ненавистный дом, я сажусь вместе с Эрни в машину.

Что ж, пора подвести итоги.

Моего отца обвиняют в налоговых махинациях. И, скорее всего, из этой передряги он выйдет глубоко униженным и обедневшим на десятки миллионов долларов. Брата ждёт суд. Учитывая характер его преступлений, не удивлюсь, если остаток жизни он проведёт в тюрьме.

А для меня наступил новый этап.

Я пытаюсь разобраться в своих чувствах, но пока они напоминают пригоршню битого стекла — острые, уродливые осколки, которые режут изнутри. Остаётся надеяться, что, как море шлифует стекло, сглаживая острые края, точно так же сработает время. Воспоминания о минувших годах, событиях, людях утратят остроту и больше не смогут ранить.

За исключением одного.

Хейз.

Его, как и своё огромное, искреннее чувство к нему, я не собираюсь ни забывать, ни отпускать. И пусть сейчас оно тоже причиняет боль, я найду способ рассказать о причинах своего вынужденного предательства. Найду способ вернуть Хейза. Только это сейчас заставляет меня жить, двигаться вперёд, смотреть в будущее не со страхом, а с надеждой.

Я не знаю, где он сейчас и как скоро мне удастся собраться с духом, чтобы позвонить или написать ему. Но кое-что исправить в моих силах уже сейчас.

Тем же вечером я сажусь за письмо. После пяти скомканных листов мне наконец удаётся выразить свои мысли предельно чётко. Поставив точку, я вновь пробегаю глазами по строчкам и удовлетворённо выдыхаю.

Надеюсь, адресат тоже оценит.

Джон Кингсли.

Получив от курьера увесистый конверт, Джон Кингсли даже не догадывается, что таится внутри. Его взгляд задумчиво скользит по наклейке на лицевой стороне, но замирает, едва зацепившись за имя отправителя.

Шелби Эллингтон!

Крайне заинтригованный, мужчина тянет за отрывную ленту. И первое, что выхватывает его взгляд, — пухлая стопка пожелтевших листов, исписанных почерком, почти неотличимым от его собственного. Вне сомнений, это те самые треклятые послания, которые чуть не стоили ему свободы, репутации… будущего!

Лоб мгновенно покрывается испариной, а сердце выписывает кардиограмму столь стремительную, что в пору вызывать неотложку. И тому есть веская причина. Это не просто послания из прошлого, а компромат, который до сих пор можно использовать против него. Особенно сейчас, когда сенаторское кресло почти у него в кармане. Даже давний скандал, основанный на лжи, может в один миг перечеркнуть политическую карьеру.

Несколько секунд Джон в оцепенении смотрит на письма, разрываясь между желанием прочесть (ведь они впервые оказались в его руках!) и яростным порывом немедленно сжечь. Но тут его внимание привлекает сложенный пополам белоснежный лист бумаги, примостившийся у стенки конверта.

Джон достаёт его, разворачивает и жадно впивается глазами в строчки.

«Уважаемый мистер Кингсли!

Я всегда считала, что вражда несёт в себе только горе и разрушение. Наши семьи причинили друг другу невообразимо много бед. Не мне рассказывать вам о десятилетиях взаимных угроз, обвинений и провокаций. Иными словами, мой отец и вы преуспели во взаимной ненависти и в приобщении к ней своих детей.

Пытаясь докопаться до истоков этой вражды, я собирала информацию буквально по крупицам. В конечном итоге мне удалось воссоздать всю историю от начала до… Что касается её завершения, здесь я рассчитываю на ваше непосредственное содействие и здравый смысл.

Уверяю вас, у меня нет ни тени сомнения в вашей невиновности. И мне искренне жаль, что вы пострадали от козней отвратительного человека, которого я больше никогда не смогу называть отцом. К сожалению, не в моей власти повернуть время вспять и исправить сотворённое им зло. Я лишь надеюсь, что все мы способны учиться на своих ошибках и достаточно мудры, чтобы отпустить прошлое и жить дальше.

К этому посланию я прилагаю оригиналы тех злосчастных писем. Хочу подчеркнуть: я делаю это не из страха, не в попытке загладить вину, не ради вас или себя, а исключительно из желания положить конец многолетней вражде.

Думаю, вы согласитесь, что всё зашло слишком далеко.

С наилучшими пожеланиями, Ш. Э.

P. S. „Есть такие мужчины, которые рождены для великих дел. Мне повезло: когда-то я знала такого“.

Эти слова я однажды услышала от своей матери. И только сейчас поняла, о ком она говорила. Пусть это запоздалое признание станет для вас добрым напутствием на новой должности».

Ему хватает минуты, чтобы проглотить весь текст, но Джон перечитывает письмо снова и снова, пропуская через сердце каждое предложение, каждый абзац. И пусть эти строки написаны молодой девчонкой, по сути совсем зеленой, мало что смыслившей в делах взрослых, но Боже, как же долго он ждал именно таких слов!

Далеко не сразу он возвращается в кресло и устремляет застывший взгляд перед собой.

Растроганным. Обескураженным.

Вот каким чувствует себя Джон. Неожиданное послание выбило его из привычной колеи и заставило крепко задуматься.

Он не знает, как именно письма оказались у Шелби, но чутьё подсказывает: едва ли Николас отдал их добровольно. Скорее всего, девчонка их выкрала, чтобы раз и навсегда лишить отца столь весомого компромата. Смелый поступок для столь юной особы. Джон оценил.

Кроме того, удивляет сам посыл. Шелби не пытается оправдаться, не умоляет проявить снисхождение к своим близким и не подлизывается, хотя в её нынешнем положении это было бы оправданно. Вместо этого она с удивительным тактом просит зарыть топор войны и жить дальше. Стало быть, прекрасно понимает: ни её отца, ни брата уже ничто не спасёт. Лишь ненавязчиво просит не проявлять враждебности по отношению к ней самой. И переданные письма — не что иное, как белый флаг.

Это он тоже прекрасно понимает.

Как и то, что девушка не теряет надежды вернуть Хейза. Джону известно об их болезненном разрыве и предшествовавших тому событиях. Он даже пару раз ловил себя на мысли: а не передать ли сыну копии предоставленных Мартином материалов? Но в конечном итоге решил этого не делать. Во-первых, раны ещё слишком свежи. Хейз сейчас не в состоянии действовать разумно и взвешенно. Нужно время, чтобы всё улеглось. Во-вторых, молодые люди должны разобраться между собой самостоятельно, без постороннего вмешательства. Так будет вернее всего.

Всё ещё находясь под впечатлением от прочитанного, Джон Кингсли собирает бумаги и запирает их в сейф. После чего звонит директору своей PR-службы с чётким указанием:

— Убери из всех готовящихся публикаций имя Элизабет Эллингтон. Да, я настаиваю. Не спрашивай, просто сделай.

Непосредственное содействие и здравый смысл — всё, на что рассчитывает Шелби, она получит. В этом отношении его совесть теперь чиста. А что до всего прочего… За свои пятьдесят с небольшим лет Джон успел убедиться: нет лучшего гроссмейстера, чем сама жизнь.

Она всё расставит по своим местам.

Глава 2.

Десять месяцев спустя.

Хейз.

— Как себя чувствует главный ботан года? — доносится сзади.

Я сижу в гостиной и тупо смотрю на чёрный прямоугольник плазмы, не в силах поверить, что третий курс позади. Вчера состоялся последний экзамен, а сегодня официально начались летние каникулы, но я этого не чувствую. Никак не могу отделаться от ощущения, что завтра утром снова нужно идти на занятия. Напряжение и вечное «всё успеть» не отпускают, удерживая мозг в режиме максимальной концентрации.

Через пару секунд рядом на диван плюхается Шейн и с хлопком откупоривает пиво. Отсалютовав ему точно такой же бутылкой, я делаю большой глоток и отвечаю:

— Уставшим.

Чистая правда. Я выпотрошен морально и физически: на протяжении обоих семестров вкалывал как проклятый, заслужив звание лучшего студента курса и… самого заносчивого сноба в кампусе.

Хотя вру, последнее никак не связано с учёбой. Просто с некоторых пор я избегаю знакомств. И категорически не желаю впускать кого-то нового в свой ближний круг. Даже во время пятничных вечеринок, которые с завидным постоянством устраивают эти два засранца, предпочитаю зависать в спортивном клубе или закрываться в своей комнате с учебниками по юриспруденции.

Многие ошибочно списывают моё поведение на высокомерие. Но правда в том, что мне не нужны новые друзья — вполне хватает Хаксли. И уж тем более не нужны девушки. ЕЁ предательство не только искалечило мне сердце, но и навсегда подорвало доверие ко всем представительницам женского пола.

Тем временем Шейн оглашает комнату громкой отрыжкой и, вполне довольный собой, вновь обращается ко мне:

— Не передумал насчёт каникул? Ещё не поздно махнуть с нами на Фиджи.

— Только представь: далёкий остров, белоснежные пляжи, сёрфинг, дайвинг… — С этими словами Майлз плюхается по другую сторону от меня.

Я едва не скрежещу зубами. Хаксли постоянно так делают. Зажимают меня с двух сторон, напрочь игнорируя личное пространство и границы. Спустя пару недель соседства выяснилось, что близнецы — невероятно тактильные ребята. Мало того что постоянно тискаются с девчонками, так ещё и при любой возможности стараются прикоснуться к находящимся поблизости людям: пожать руку, похлопать по плечу, спине, предплечью.

Понятия не имею, то ли это последствия тесного соседства в материнской утробе, то ли проявление заботы — дружеская поддержка и всё такое. Но жить с ними в одном доме порой бывает крайне утомительно. Так что и речи быть не может о совместной поездке на Фиджи. Мне жизненно необходим отдых от близнецов, и желательно на другом континенте.

Поэтому отвечаю:

— Не передумал. Мне нужно увидеться с роднёй.

— Жаль, — тянет Майлз. — Нам будет не хватать твоей вечно мрачной физиономии.

— Так и быть, обещаю каждую неделю скидывать в чат свои фотки. Постараюсь выбрать особенно мрачные.

— Да брось, — усмехается Шейн. — Тебя ждут солнечная Италия и её грудастые жительницы. Оторвись на полную катушку.

— Дело говоришь, — важно кивает его брат. — Тебе просто необходимо расслабиться. А иначе от постоянного напряжения скоро начнёшь срать кирпичами.

— Кстати, ты же оставляешь тачку здесь? Может, дашь нам ключи? Мы еще неделю в городе. Покатаемся, подцепим пару клёвых девчонок…

Это им тоже никогда не надоест. Вечные подколы насчёт «Астон Мартина» стали их любимой игрой.

— И не мечтайте, — отмахиваюсь я.

— Жадина, — обиженно отзывается Шейн, но уже через секунду его настроение вновь напоминает радужную блевотину единорога. — Оу, чуть не забыл! Привези из Италии не триппер, а хорошего вина, бро!

Я усмехаюсь и одним махом допиваю пиво. А после иду собирать вещи.

Ближайший месяц я планирую провести в Италии. К слову, поездку полностью оплачивает Уильям, поскольку задолжал мне итальянские каникулы. Ведь именно из-за него в прошлом году пришлось прервать отпуск и спешно вернуться в Нью-Йорк. Так что всё по-честному.

Остаток лета мне предстоит работать в бостонской юридической фирме «Гастингс &Фримен». Меня и ещё одну студентку с курса пригласил на летнюю практику профессор Фримен — наш преподаватель по курсу «Переговоры и управление конфликтами» и старший партнер фирмы. Понятно, что большие дела нам не светят, но опыт в любом случае будет отличный.

Оказавшись в комнате, я бросаю взгляд на раскрытый чемодан, но вопреки первоначальному плану прохожу мимо и падаю на кровать. Во мне нет ни толики радости по поводу предстоящего путешествия. Вместо неё лишь ноющая пустота в груди.

Почти год без Дерека.

Долгий, сложный, полный затаённой печали, которую я скрывал ото всех. Думал, со временем отпустит, жизнь возьмёт своё, боль притупится… но даже узнав, что его убийце вынесли пожизненный приговор, легче не стало.

Я всё ещё помню то ужасное чувство безысходности, когда держал на руках умирающего друга. И давящее чувство вины, и ненависть к причастным, все еще бурлят во мне, вызывая неконтролируемые приступы гнева. Кроме того, мне до сих пор снятся кошмары: громкий хлопок, после которого всё вокруг окрашивается кровью. Она везде — на стенах, одежде, моих руках, алой лужей растекается по полу, а я смотрю в удивлённые глаза Дерека и с ужасом наблюдаю, как с каждой секундой в них угасает жизнь. Этот взгляд преследует меня почти каждую ночь.

Поистине, человеческая память — самый безжалостный мучитель. С ней не договориться, её не засудить и не уничтожить. Она будет пытать тебя снова и снова, подстерегать в самые неожиданные моменты, чтобы наброситься и истязать болезненными воспоминаниями.

Только теперь я понял, откуда берутся фантастические сценарии, в которых человеку стирают часть памяти. Их придумывают травмированные, опустошённые люди, измученные призраками прошлого. И я один из них.

В заднем кармане вибрирует телефон, прерывая поток невесёлых мыслей. Достав его, я смотрю на уведомление от авиакомпании: Бостон — Тоскана, 21 мая, 9:00.

Спасибо, что напомнили!

Затем открываю мессенджер. Взгляд по привычке скользит в верхнюю часть экрана, где виднеется строка:

«В архиве — 375 сообщений».

Вчера там была цифра 374. Значит, ещё одно новое сообщение от НЕЁ.

Не знаю, зачем она продолжает писать. На что рассчитывает? Но ещё большее недоумение вызывает моё собственное поведение. Мне давно следовало стереть наш чат, но вместо этого я просто отправил его в архив, позволяя сообщениям копиться.

Наверное, это какое-то извращённое удовольствие от осознания, что вопреки её надеждам я никогда не стану их читать. Мне даже неинтересно их содержание.

Всё, что касалось бродяжки, осталось в прошлом.
Навсегда.

Шелби.

На сцене стоит директор Маргарет Ван Бюрен. Высокомерная, алчная стерва. Моё первоначальное мнение о ней резко изменилось после первого же конфликта. Девчонка, которая постоянно издевалась надо мной, происходила из семьи строительного магната, а я была всего лишь дочерью политика-неудачника и сестрой убийцы.

Устав от нападок, я изрядно проредила ей волосы, из-за чего мы обе оказались в кабинете директора. Мерзавка отделалась ласковым упрёком, а мне было сказано:

— Я закрыла глаза на репутацию вашей семьи. Только благодаря этому вы учитесь здесь.

О пятидесяти тысячах долларов за обучение она почему-то не упомянула. Как мило!

— Но это ваше первое и последнее предупреждение. Ещё одна подобная выходка — и вы будете исключены из школы без права на восстановление.

Стоит ли уточнять, насколько униженной и бесправной я себя чувствовала? Своим замечанием директриса фактически указала мне на моё место — на самой низкой ступени школьной иерархии.

И сейчас, глядя на Ван Бюрен, я едва сдерживаюсь, чтобы не запустить шапочкой выпускницы прямо в самодовольную рожу. Её так и распирает от осознания собственной значимости, ведь в зале собрались сливки Нью-Йорка, чьи фамилии то и дело мелькают в финансовых новостях и на страницах «Форбс».

Чтобы не наделать глупостей, я поспешно перевожу взгляд на зрителей, но попадаю в новую ловушку. Влажными от слёз глазами гордые родители взирают на своих отпрысков, упиваясь сладкой лестью, льющейся из уст директрисы. Они видят перед собой цвет нации, наследников многомиллионных империй. Но под голубыми мантиями скрываются хищные, безжалостные гиены. В них нет ни капли чести или благородства — только жестокость и лицемерие. В этом я тоже убедилась на собственной шкуре, которую они норовили растерзать на протяжении всего года.

Тем временем Ван Бюрен заканчивает свою напыщенную речь:

— Вы повзрослели и многому научились. Я с гордостью представляю наших блистательных выпускников, которые вскоре станут студентами лучших университетов страны.

Вокруг раздаются оглушительные аплодисменты, вторя гомерическому хохоту в моей голове. О да! В Дуайт-скул я действительно приобрела бесценные навыки. Можно сказать, фантастические. Например, мгновенно обрастать бронёй, когда в меня летели оскорбления. Становиться невидимой, когда нужно отомстить обидчику. Развивать запредельную скорость, чтобы скрыться от поджидающих у крыльца гиен.

Уверена, узнай в «Марвел» мою историю, тут же ввели бы в свою вселенную нового персонажа — Цельнометаллическую Шелби.

Мне пришлось стать непробиваемой, ведь год назад мой мир стал другим: жестоким, холодным и злым. Может, он и до этого не особо радовал меня объятиями, но после стрельбы в ресторане я получала от него только тычки и оскалы.

А зубоскалили все. Каждое СМИ считало своим долгом полить грязью фамилию Эллингтон. Порой даже от малознакомых людей я получала изрядную порцию ненависти, ведь мои фото тоже мелькали в прессе. И все семь месяцев, пока шёл судебный процесс над братом, меня жёстко буллили в школе. Никто не хотел со мной общаться, даже сидеть за одной партой отказывались.

Все… кроме Ким.

Если бы не её поддержка, наверное, я бы сломалась. Она стала моим спасательным плотом, не позволив захлебнуться отчаянием. Только благодаря новой подруге я выстояла, смогла закончить выпускной класс и поднаторела в искусстве словесных поединков.

Стефания тоже поддерживала как могла. Мы часами разговаривали по видеосвязи. Это помогало, но не так сильно, как если бы подруга была рядом. А Ким была. Каждый день присматривала за мной, решительно защищала от нападок, заставила записаться чуть ли не на все школьные факультативы — лишь бы поменьше времени оставалось на грусть.

Резкий толчок в бок возвращает меня в реальность. Перед глазами маячит злорадная рожа одноклассника.

— Тупица, ты всё пропустила, — шипит он.

Оглядевшись, понимаю, что единственная продолжаю стоять в конфедератке. Проигнорировав придурка, я как можно незаметнее стягиваю головной убор, бросаю его на пол и с наслаждением придавливаю ногой.

Поскольку все начинают расходиться, я смешиваюсь с толпой и спешу прочь. Диплом в кармане, так что здесь мне больше делать нечего.

Уже в такси замечаю на экране телефона входящий вызов от Ким.

— Ты где? — спрашивает подруга, стараясь перекричать шум.

— Еду домой.

На самом деле мой путь лежит на кладбище Грин-Вуд. Но об этом Ким знать необязательно.

— Постой, а как же выпускной бал? — возмущается она.

— Извини, я передумала. Повеселись за нас двоих.

— Очень жаль, родители хотели увидеться с тобой, — грустно замечает подруга, но, к счастью, не пытается уговорить меня вернуться.

— Передавай им огромный привет!

— Окей. Созвонимся завтра.

Завершив вызов, я открываю в мессенджере нужный чат и некоторое время смотрю на аватарку Хейза. На мужественном лице расслабленная, немного сонная улыбка. Из-под полуприкрытых век прямо в камеру устремлён лучистый взгляд. В нём столько любви и тепла, что, если бы по какой-то причине вдруг исчезло солнце, я могла бы согреваться теплом этих глаз всю оставшуюся жизнь.

И любой, даже самый ужасный день был бы всего лишь мимолётной, ничего не значащей ерундой, будь Хейз рядом.

Но его нет.

И единственное, что мне остаётся, — листать сохранившиеся фото и вспоминать те мгновения, когда мы были бесконечно счастливы, даже не подозревая, как мало времени нам отведено на любовь и как много — на ненависть.

Господи, как же мне его не хватает!

Я скучаю по Хейзу каждый день, каждый час, все триллионы прожитых без него секунд. Ещё не придумали слов, способных выразить глубину той бездны, что разверзлась в моей груди. Иногда кажется, она поглотит меня целиком.

Как сейчас.

В такие моменты помогает только одно. Самообман. Пальцы сами собой начинают печатать:

«Привет! Сегодня был особенный день. Хороший и отвратительный одновременно. Я получила диплом об окончании школы. Вот только вручали мне его под жиденькие аплодисменты и натянутые, фальшивые улыбки. Наивно было полагать, что я уже прошла через

все круги унижения. Ведь у моих одноклассников не только карты безлимитные — их жестокость тоже не имеет границ.

Но главное — школа осталась в прошлом. А вскоре к ней присоединится и Нью-Йорк. Даже не представляешь, как сильно я этого жду».

После отправки под сообщением появляется лишь одна серая галочка, означавшая – не доставлено и уж, конечно, не прочитано. Понимаю, глупо писать ему, но это создаёт иллюзию присутствия Хейза в моей жизни. Хочется верить, что благодаря моим посланиям связывающая нас ниточка не оборвалась. Истончённая, изрядно потрёпанная, но она всё ещё есть. Эта надежда поддерживает меня все десять месяцев, прошедших с тех ужасных событий.

Первое время я не оставляла попыток связаться с ним. Однако все мои звонки и сообщения оставались без ответа. Я покупала новые сим-карты. Это срабатывало, но стоило мне произнести хоть слово, как он тут же сбрасывал вызов и блокировал номер. А спустя месяц и вовсе перестал отвечать на звонки с неизвестных номеров.

Я отступила, но не сдалась. Продолжала писать ему каждый день. Сначала пыталась объяснить, почему так поступила, и просила прощения. Писала о своих чувствах, о том, как сожалею о случившемся и больше всего на свете хочу его вернуть. Затем стала просто отправлять маленькие заметки, делиться радостями и огорчениями.

В каком-то смысле наш чат стал для меня подобием личного дневника, которому можно доверить самое сокровенное. Вот только, как и бумага, он оставался безмолвным.

Пусть так. Возможно, когда-нибудь его ненависть утихнет и Хейз найдёт в себе силы взглянуть на мои послания. И, возможно, что-то напишет в ответ.

Когда-нибудь…

Хейз.

Как только шасси касаются посадочной полосы, атмосфера в салоне ощутимо меняется. На смену сонному ожиданию приходит едва сдерживаемое волнение. Пассажиры отключают авиарежим на телефонах и принимаются нетерпеливо ёрзать в креслах. Шуршат пакеты из дьюти-фри, малышня прилипает носами к иллюминаторам, что-то восторженно лопоча родителям.

По салону разносится голос капитана. Он сообщает великолепную новость: мы приземлились в тосканском аэропорту «Галилео Галилей», а за бортом двадцать семь градусов тепла. После этого народ начинает вскакивать с мест, хотя самолёт ещё не состыковали с телетрапом. Что ж, их можно понять: борт забит туристами, прибывшими в Италию на одну-две недели, и они не хотят терять ни минуты драгоценного отпуска.

Выйдя из аэропорта, я запрокидываю голову. На небе ни облачка — лишь раскалённый добела солнечный диск. Понимая, что с секунды на секунду начну плавиться, быстро ловлю такси и прошу включить кондиционер на полную.

Как только мы выезжаем за пределы города, перед глазами раскидываются холмистые поля, похожие на зелёное лоскутное одеяло. Высокие тонкие кипарисы тянутся к небу, словно свечки, изредка мелькают каменные дома в окружении виноградников.

— Отдыхать приехали или работать? — любопытствует водитель на ломаном английском.

Его вопрос вполне закономерен: он везёт меня не в отель, а на винодельню.

— Как получится, — отвечаю я на итальянском, чем привожу мужчину в дикий восторг.

— Ваш итальянский великолепен! — восклицает он с чрезмерной эмоциональностью, присущей почти всем местным.

Следующие десять минут водитель засыпает меня советами, как провести время в Тоскане. К счастью, моего участия в разговоре не требуется, мужчина вполне справляется сам. Так что я откидываюсь на сиденье и смотрю на проплывающие за окном пейзажи.

Но вот незадача. Вместо беззаботных воспоминаний о детстве меня преследуют флешбэки прошлогодней поездки, а если точнее — встречи с НЕЙ. И как бы я ни гнал их от себя, идиотские воспоминания всё равно крутятся в голове, подбрасывая соответствующие картинки и вновь вызывая боль в подреберье.

Даже смешно: мы были вместе всего три месяца, но мне не хватило и десяти, чтобы окончательно вычеркнуть её из памяти. Образ бродяжки оказался удивительно вредоносным и живучим, словно редкий вид саранчи. И нёс с собой только огорчения.

Избавиться от назойливых мыслей удаётся, лишь когда впереди появляется винодельня. Знакомый с детства вид мгновенно захватывает всё моё внимание.

В окружении виноградных лоз высится «Вилла де'Арно» — старинный двухэтажный дом в классическом тосканском стиле, похожий на те, что любят изображать на открытках: с красной черепичной крышей, увитыми плющом стенами и окнами, выходящими на виноградники. Вилла так естественно вписывается в окружающий пейзаж, словно тоже выросла из этой благословенной солнцем земли.

Я впитываю взглядом каждую мелочь, с облегчением отмечая: здесь ничего не поменялось. И это открытие целительным бальзамом окутывает мое сердце. Приятно осознавать, что в этом непостоянном мире есть островок стабильности и спокойствия, куда можно вернуться в любой момент, зная: там всё по-прежнему, а тебя ждут родные, любимые люди.

Стоит машине свернуть с дороги к дому, как на каменном крыльце появляются дедушка с бабушкой. Несмотря на почтенный возраст, оба выглядят бодро. Дед похож на слегка располневшего льва с роскошной седой гривой. Однако, он по-прежнему высок, крепок и статен. Бабуля относится к тому редкому типу женщин, которые умеют стареть красиво. Стройная, лёгкая, с весёлыми, искрящимися глазами — такую морщинками не испортить.

Они машут мне ещё издалека, и мои губы трогает тёплая улыбка. В последний раз мы виделись прошлой осенью, на торжественной церемонии вступления отца в должность сенатора, и с тех пор я успел здорово по ним соскучиться.

Едва такси останавливается, оба спешат ко мне. Я обнимаю их по очереди, с наслаждением вдыхая жаркий воздух, полный ароматов земли и разнотравья.

— Как же я рада тебя видеть! — Бабуля проводит сухой горячей ладонью по моей щеке и с удовольствием прицокивает. — Стал ещё красивее.

— Привет, Хейз! — кивает дед. — Как долетел?

— Успел выспаться и как следует отдохнуть. Так что можешь нагружать меня работой.

Дедуля добродушно смеётся.

— Сам напросился, потом не жалуйся.

— Вечером придут соседи, — спешит сообщить бабуля, светясь от предвкушения. — Всем не терпится увидеться с тобой.

Ну конечно, куда же без званого ужина! Как и в любой провинции, где месяцами ничего не происходит, появление гостя на «Вилле де'Арно» наверняка стало самым обсуждаемым событием задолго до того, как я сошёл с самолёта.

Уже предвкушая хмельной вечер в компании шумных итальянцев, я ныряю в арочный проём и прохожу в дом. После уличного зноя меня окутывает приятная прохлада. Поднимаюсь с чемоданом на второй этаж и невольно усмехаюсь.

В нашей с Уиллом комнате тоже ничего не изменилось. Те же односпальные кровати с голубыми пледами, тот же старомодный платяной шкаф у стены и потёртый красно-жёлтый ковёр под ногами.

Оставив чемодан, я спешу на кухню, где меня уже ждут прохладное белое вино и домашняя еда. Бабуля, как всегда, расстаралась, наготовила на целую ораву. Мы усаживаемся за массивный деревянный стол напротив огромного очага. У противоположной стены стоит резной буфет. На открытых полках теснятся стаканы и чашки с разноцветными узорами, рядом — два пузатых холодильника и дверь в кладовую.

Окинув взглядом кухню, я вновь чувствую себя беззаботным мальчишкой, самым большим огорчением которого может стать только невовремя хлынувший дождь.

Шелби.

По пути я покупаю букет белых роз и аккуратно пристраиваю его на сиденье рядом с собой. Спустя пятнадцать минут таксист останавливается у кладбища Грин-Вуд.

Выйдя из машины, некоторое время смотрю на каменные ворота в неоготическом стиле. Их остроконечные башни пиками взмывают к небу, а две стрельчатые арки напоминают вход в древний мрачный храм. И хотя за воротами виднеются зелёные газоны, а над ними простирается голубое небо, меня не покидает гнетущее ощущение, что я ступаю на сумрачную, полную боли и скорби территорию. Виднеющиеся в пролётах каменные надгробия лишь усиливают это впечатление.

Наверное, так и было задумано.

Подойдя к могиле, я с трепетом возлагаю цветы на мраморную плиту и смотрю на выгравированное в камне симпатичное лицо парня с его неизменной улыбкой.

Я стараюсь навещать Дерека каждую неделю. Нет не для того, чтобы вымолить прощение, тем более это невозможно. А чтобы рассказать последние новости, поделиться своими мыслями и переживаниями. Знаю, мы были едва знакомы, но нас связывал один очень важный человек — Хейз. И я абсолютно уверена: Дерек понял бы меня как никто другой. Потому и плачусь на его могиле, представляя, что он просто уехал, а мы разговариваем по телефону. Как ни странно, после визитов на кладбище мне всегда становится легче. И непомерное чувство вины, которое изо дня в день терзает мою душу, ненадолго отступает.

***

После кладбища я возвращаюсь домой, и прямо с порога на меня налетает Филлис.

— Как прошло?

— Великолепно! — вру я и трясу в воздухе дипломом. — Школа окончена. Официально.

Ни к чему огорчать эту неунывающую женщину гадкими подробностями минувшего мероприятия.

— Поздравляю!

Она прижимает меня к своей необъятной груди, обтянутой цветастой футболкой, и ласково гладит по волосам.

Возможно, Филлис догадывается, с чем мне приходится сражаться каждый божий день, но я никогда не жалуюсь, а она не лезет в душу. Так что мы отлично ладим. Можно сказать, стали маленькой семьёй.

Нас объединяет не только забота о дедушке. У Филлис тоже не осталось родных, поэтому ничего удивительного, что мы цепляемся друг за друга, как два человека, выброшенных морем жизни на необитаемый остров одиночества.

Выпутавшись из её объятий, я вытягиваю шею в сторону гостиной и сразу замечаю дремлющего в кресле дедулю.

— Как он?

— Без изменений, — с лёгким вздохом сообщает Филлис.

Мы больше не говорим об улучшении, радуясь хотя бы тому, что его состояние стабильно.

Когда в октябре дедушке резко стало хуже, мне пришлось срочно брать ситуацию в свои руки. Я нашла одного из лучших в Нью-Йорке неврологов, известного новаторским подходом к болезни Альцгеймера, и свозила дедулю к нему на приём.

Изучив историю болезни и результаты обследований, доктор Робертс предложил рассмотреть участие в клиническом испытании нового препарата. Нет, это не могло вылечить дедушку. Но, по словам доктора, был велик шанс замедлить ухудшение памяти и мышления, а возможно, добиться некоторого улучшения.

По сути, дедушка становился участником эксперимента. Но, понимая, что день ото дня ему всё хуже, мы с Филлис решили попробовать. На улаживание юридических формальностей при участии семейного поверенного потребовалось время. А уже в середине ноября началась терапия.

Первые перемены превзошли все мои ожидания. Периоды ясности стали дольше. В такие моменты дедушка вновь был самим собой – Бенджамином Эллингтоном в возрасте семидесяти шести лет и прекрасно это осознавал. Как и то, что я — его внучка Шелби.

Моей радости не было предела! Я старалась проводить с ним каждую свободную минуту, отвлекаясь лишь на учёбу. В периоды его «возвращений» рассказывала обо всём, что он пропустил: о себе, о случившемся с Майклом и Николасом.

К несчастью, чуда не произошло. В феврале всё вернулось на круги своя: дедушка вновь выпал из реальности, блуждая по лабиринтам памяти, путаясь во временах, именах и событиях. Доктор Робертс вынужденно признал: улучшение оказалось временным.

Но я была благодарна даже за те недолгие месяцы, когда дедушка был со мной.

Оторвав взгляд от него, я встречаюсь глазами с Филлис.

— Сейчас переоденусь и сыграю для него.

Скрывшись в своей комнате, я быстро меняю платье на шорты и майку, а волосы стягиваю резинкой. Они отросли и теперь доходят до плеч, полностью скрывая уродливый шрам. Если не считать этого, внешне я почти не изменилась. Разве что взгляд стал другим — более жёстким и всегда настороженным. Но когда против тебя весь город и ничего хорошего от людей не ждёшь, невозможно остаться прежней. Мне пришлось стать сильнее, научиться давать отпор и бороться за своё место под солнцем.

Взгляд невольно падает на письмо с логотипом Гарварда, и в груди тотчас вспыхивает радость.

Ещё в начале мая пришёл положительный ответ из Гарвардского колледжа. Меня приняли! И этой осенью я стану одной из его студенток.

Почему я выбрала Гарвард? Потому что хотела в дальнейшем поступить в его Юридическую школу и специализироваться на защите жертв домашнего насилия. Как показала жизнь, тираны есть везде. Не только в гетто на окраинах города, за стенами роскошных особняков их тоже полным-полно.

Но я бы соврала, если бы сказала, что желание защищать слабых — единственная причина. Была ещё одна.

— Милая, у нас заканчивается молоко! — кричит из кухни Филлис, прерывая поток моих мыслей. — Ты не могла бы сходить в магазин? Ещё мне понадобятся картофель и лук. Планирую к вечеру сделать запеканку.

— Конечно, без проблем.

Я иду в ближайший супермаркет. Беру всё необходимое, но на кассе случается заминка. Оплата не проходит. Я снова и снова прикладываю карту к терминалу, но на экране появляется одно и то же уведомление: недостаточно средств.

От обращённых ко мне раздражённых взглядов зудит кожа, а неловкость разрастается до размеров Китая. Извинившись перед кассиршей, я оставляю продукты и пулей вылетаю на улицу.

Звоню в банк и с удивлением узнаю, что карта заблокирована по распоряжению владельца счёта. Учитывая, что счёт принадлежит Николасу, вне сомнений, это его рук дело.

Поскольку с отцом мы по-прежнему не общаемся, я пишу Шерил:

«Привет! У меня возникли проблемы с картой. Можешь уточнить, в чём дело?»

Спустя две бесконечно долгие минуты приходит ответ:

«Ты же знаешь, Нику пришлось продать бизнес в Штатах на унизительных условиях. У нас временные трудности с финансами».

Какие нахрен трудности?!

Да, после скандала с уклонением от уплаты налогов отцу пришлось выплатить государству баснословную сумму. Но даже после этого его едва ли можно назвать бедным человеком. Ведь вместе с беременной невестой он перебрался в Швейцарию. Там же месяц назад родилась моя сестра Эмма Джейн, а новоиспечённые родители купили дом в Альпах, чтобы младенец рос в экологически безупречных условиях.

И эти люди говорят о трудностях? Наглое враньё!

От возмущения даже пальцы подрагивают, пока я печатаю ответ:

«Ты, должно быть, шутишь? Позволь напомнить: мы заключили соглашение».

«Ник больше не сможет помогать тебе деньгами. Мне правда очень жаль, Шелби».

Чёрта с два тебе жаль!

Меня разбирает такая злость, что перед глазами мелькают вспышки. Ещё час назад будущее казалось определённым и многообещающим, а теперь всё несётся в пропасть, словно сошедший с рельсов поезд. А виновник живёт себе припеваючи в Швейцарии и плевать хотел на мои планы.

Я продолжаю стоять на оживлённой улице, пытаясь справиться с подступающей паникой. Да, мне удалось кое-что скопить, но этого не хватит на учебу и жизнь.

В полной прострации возвращаюсь домой и обессиленно опускаюсь на диван. Заметив, что мои руки пусты, Филлис настороженно спрашивает:

— Что случилось?

— Отец заблокировал карту, — глухо сообщаю я. — Выждал почти год и лишил меня денег. Подонок.

С губ сиделки срывается судорожный вздох. Затем она присаживается рядом и успокаивающе гладит меня по руке.

— Не переживай, справимся. Твой дедушка позаботился об этом. С голоду не умрём.

Это действительно так. Несколько лет назад, едва узнав о диагнозе, дед нанял Филлис и распорядился, чтобы его поверенный ежемесячно перечислял на её счёт не только жалованье, но и деньги на различные расходы. Иными словами, он понимал, что его ждёт, и подготовился заранее.

Вот только меня это не спасет. Обучение в Гарварде вместе с проживанием, покупкой учебников и медицинской страховкой обойдётся примерно в восемьдесят пять тысяч долларов в год.

И я понятия не имею, где раздобыть столь космическую сумму.

Хейз.

Первая неделя проходит в заботах по хозяйству. Под весёлые итальянские песни из старого радиоприёмника мы с дедом ремонтируем крышу сарая, обновляем побелку на стенах подвала, латаем сетку курятника на заднем дворе. И хотя у дедушки достаточно помощников, он не сидит сложа руки, многое делает сам.

Помимо работников, занятых на виноградниках, здесь никого нет. Поскольку деды не желают менять привычный уклад жизни и напрочь отвергают идею винных туров, сюда не

приезжают автобусы с туристами на дегустации, какие бы заработки это ни сулило. Чета Арно делает ставку на качество вина, семейные традиции и глубокую преданность своему делу.

Зато по соседству живут сёстры, с которыми мы с Уиллом в детстве носились по окрестностям. Правда, с тех пор они сильно изменились, превратившись из худеньких подростков в весьма привлекательных девушек. Уверен, будь здесь мой брат, непременно закрутил бы летний роман.

Мне же вполне хватает лёгкого безобидного флирта с младшей из сестёр Кьярой. У неё тёмные густые волосы, привлекательное лицо с карими глазами и такая фигура, что сам Федерико Феллини захлебнулся бы слюной. По вечерам, когда спадает жара, Кьяра утягивает меня на прогулку, во время которой мы просто болтаем или любуемся звёздами. С ней мне удивительно легко.

Ко второй неделе пребывания на винодельне моя кожа покрывается густым загаром. Шорты и соломенная шляпа становятся привычным нарядом, а свежий хлеб с сыром и бокал вина — любимой трапезой. Благодаря простой сельской жизни я снова вспомнил, каково это — улыбаться просто так и радоваться простым вещам вроде птичьих трелей и свежего ветерка.

И куда только делся тот неприветливый гарвардский сноб?

К середине третьей недели я начал забывать английский. Как-то утром поймал себя на том, что даже сон видел на итальянском. Поразительно, как быстро перестраивается мозг.

Ещё одно любопытное открытие: не обязательно ходить в тренажёрный зал, чтобы оставаться в форме. Достаточно переселиться на тосканскую ферму. Работы здесь всегда полно: помимо винограда, деды выращивают оливки и держат небольшое хозяйство.

На четвёртой неделе, посчитав свой долг перед дедами исполненным, я запрыгиваю в арендованный малолитражный «Фиат»… вместе с Кьярой. Она оказалась очень настойчива в своём стремлении показать мне самые интересные места, о которых знают только итальянцы и тщательно оберегают от иноземцев.

— Готов? Тогда поехали! — восклицает пассажирка, озорно сверкнув глазами.

Я вдавливаю педаль газа в пол, но машина-недоразумение даже не думает срываться с места, вместо этого позорно глохнет. В то же мгновение салон заполняет заливистый смех Кьяры.

— Не вините кошку, если её хозяин псих, — весело замечает она. — Так говорит моя бабушка.

— Ты только что назвала меня психом?

— Вовсе нет. Но я не понимаю, почему ты всё время такой напряжённый… — Всплеснув руками, пассажирка устремляет на меня ласковый взгляд. — Расслабься, посмотри на небо, слушай песни ветра, наслаждайся! Впереди пять дней. Давай не будем торопиться и нервничать по пустякам.

— Как скажешь.

Вновь заведя машину, я неспешно выезжаю со двора. Дорога плавной лентой вьётся среди холмистых полей, невдалеке виднеется автострада. По мере того как мы удаляемся от виллы, меня всё больше захватывает предвкушение. Впереди столько неизведанного, интересного, и будь я проклят, если позволю внутренним демонам испортить наше путешествие. Кьяра абсолютно права: нужно оставить все тревоги и просто наслаждаться моментом.

Первую ночёвку мы решаем устроить во Флоренции. После посещения основных достопримечательностей спутница утягивает меня в кафе с видом на реку. Мы пьём вино, обсуждаем увиденное за день и едим вкуснейшие брускетты с моцареллой и томатами. Невдалеке уличный музыкант перебирает гитарные струны. В тёплом воздухе разливается красивая, немного грустная мелодия. По вечерней набережной бродят опьяневшие от впечатлений и вина туристы.

В какой-то момент тёплая девичья ладонь опускается на моё бедро, и внутри тотчас срабатывает предупреждающий сигнал.

— Кьяра… — Мой голос звучит мягко, но настойчиво. Я не хочу поощрять её и давать напрасные надежды. — Через несколько дней я вернусь в Штаты.

— Вы, американцы, любите всё усложнять. — На её алых губах играет лукавая улыбка. — Есть женщина, есть мужчина — и никаких обязательств. Забудь обо всём. Будь со мной здесь и сейчас.

Странно, но незамысловатые слова, произнесенные томным голоском, действуют как заклинание, одним махом избавляя от всех сомнений. Спустя десять минут мы возвращаемся в номер и занимаемся сексом, словно это самая естественная вещь на свете. Вроде завершения насыщенной культурной программы.

А утром она как ни в чём не бывало чмокает меня в щёку и принимается собирать разбросанные вещи. Ни вопросов, ни многозначительных взглядов, никаких ожиданий. И я вновь ловлю себя на мысли, насколько мне легко с Кьярой.

За пять дней мы успеваем проехать вдоль тосканского побережья — от Ливорно до Порто-Санто-Стефано, наслаждаясь красивейшими видами и приветствуя громкими гудками неутомимых велосипедистов. Поскольку чёткого плана у нас нет, маршрут выбирают за нас дороги, а экскурсоводов заменяют словоохотливые итальянцы.

В один из последних вечеров, взяв пиццу навынос, мы решаем поужинать на пляже. Погода стоит изумительная: дневной зной спал, лёгкий морской ветерок обдувает наши тела, по вечереющему небу лениво плывут редкие облака. Настроение соответствующее — расслабленное, спокойное, с лёгким намёком на романтику.

Устремив взгляд вперед, я наблюдаю, как солнце медленно опускается к кромке воды.

— Там небо целует море.

Немного перефразировав когда-то услышанную фразу, я указываю на горизонт, где в розово-оранжевом мареве сливаются вода и небо.

Кьяра бросает на меня задумчивый взгляд и внезапно спрашивает:

— Кто та девушка, о которой ты всё время думаешь?

От неожиданности кусок пиццы встает попрек горла. Приходится сделать пару глотков вина, чтобы протолкнуть его, а ещё — выиграть немного времени. Признаться, вопрос застал меня врасплох, и я совсем не уверен, что хочу на него отвечать.

— Иногда ты так смотришь на меня, словно жалеешь, что на моём месте не оказалась другая. Та самая, по которой до сих пор тоскует твоё сердце.

М-да, стоило принять во внимание, что итальянки весьма и весьма проницательны в сердечных вопросах.

— Скажем так, — прочистив горло, я всё же решаюсь ответить, — она сильно ранила меня. Но всё в прошлом.

— Старая любовь не ржавеет, — с нотками горечи замечает Кьяра и откладывает недоеденный кусок пиццы в коробку.

— Ещё одна итальянская мудрость? — усмехаюсь я.

— Ты можешь убеждать себя в чём угодно, но оно знает наверняка. — Её ладонь ложится на мою грудь, а в глазах мелькает грусть. — Поэтому и не отпускает.

И только сейчас до меня доходит: я здесь не единственный пытаюсь кого-то забыть. Похоже, для Кьяры это путешествие — такое же спонтанное и безумное, но крайне необходимое бегство.

Думаю, мы стали друг для друга чем-то вроде обезболивающего — не способного излечить, но дающего хотя бы краткую передышку. Что ж, надо признать, это сработало. По крайней мере, со мной. Время, проведённое с Кьярой, напомнило: жизнь по-прежнему полна удивительных открытий и впечатлений. Она продолжается.

Можно отгородиться от неё, выстроив неприступную стену отчуждения, утопать в обидах и жалости к себе. Но, как говорят итальянцы, один папа умер — другого изберут. Потеря даже очень важного человека не должна останавливать твой мир.

И, чёрт возьми, они абсолютно правы!

Шелби.

«Что же мне делать, Хейз? У меня нет денег на обучение. Отец обманул меня самым вероломным образом, оставив без цента.

То немногое, что удалось скопить, до конца лета исчезнет. Ведь я не могу сесть на шею больному старику, мне нужно обеспечивать себя хотя бы едой. Стараюсь не поддаваться отчаянию, но похоже, придется попрощаться с мечтой о Гарварде».

С тех пор как моя карта превратилась в бесполезный кусок пластика, прошла неделя. Всё это время я судорожно искала решение. Первым делом хотелось обратиться в суд. Ведь подписанное соглашение по-прежнему имеет юридическую силу. Но сколько времени и денег уйдёт на то, чтобы добиться справедливости? Поскольку Николас сейчас проживает в другой стране, судебные разбирательства могут затянуться на годы.

Откинув эту идею, я задумалась о гранте на обучение или хотя бы стипендии. Принялась изучать условия финансовой помощи, но быстро приуныла: университет учитывал доходы и имущество родителей. Одна только резиденция Эллингтонов тянула на дворец, так что едва ли комиссия сочтет мою семью малоимущей.

О том, чтобы просить денег у Стеф или Ким, тоже речи не шло. Мне претила сама мысль использовать дружбу в корыстных целях.

Всё сводилось к тому, что мне срочно нужна работа. Если буду вкалывать без выходных, то лет через десять, возможно, накоплю нужную сумму. И тем не менее я кинулась штудировать сайты с вакансиями.

Ситуация осложнялась полным отсутствием опыта. Среди доступных мне вариантов попадались в основном вакансии курьера или хостес в местных ресторанах. Но я не поддавалась отчаянию, отправляла резюме и с замиранием сердца ждала звонков.

Спустя неделю безуспешных попыток мне позвонили из ресторана «Каллисто»! Заведение располагалось на главной улице в Саутгемптоне и, судя по высокому рейтингу, пользовалось популярностью. Не раздумывая ни секунды, я отправилась на собеседование.

Не знаю, что произвело большее впечатление на хозяйку заведения Джулиану Гилмор моя внешность или полные мольбы глаза, но меня приняли! На следующий день, нарядившись в строгое чёрное платье и туфли на каблуках, я вышла на стажировку.

Моя сменщица Андреа обучала меня нехитрым премудростям работы хостес: принимать заявки на бронирование, встречать гостей, провожать их к столикам. Правила тоже оказались простыми: постоянным клиентам предоставлять лучшие места с видом на побережье, случайных посетителей можно сажать в углу. Если кто-то требовал столик получше, я выдавала кодовую фразу: «Мне очень жаль, все остальные забронированы». Особо настойчивых приходилось пересаживать. С проблемными разбирался администратор или управляющий. По большому счёту, моя работа сводилась к роли милой приветливой собачки в фойе ресторана.

За первые три дня я стёрла ноги до кровавых мозолей, а спина ныла от необходимости целыми днями ходить на каблуках. То и дело ко мне клеились гости, выклянчивая номер телефона. В итоге я разбогатела на девять визиток и ноль чаевых.

Ко второй неделе искусственная улыбка намертво приросла к лицу и выглядела почти как настоящая. Я наконец просекла, что самые щедрые клиенты — те, кто в стельку пьян. Поэтому с особым трепетом и вниманием провожала их к машинам, сдавала на руки водителям или помогала усесться в такси.

И ура! Мне начали оставлять чаевые!

После трёх недель работы я могла пробежать на шпильках кросс и даже не поморщиться. Чаевые приносили около ста долларов в день, и меня переполняла радость. Нет, не потому, что Гарвард стал доступнее. Просто это были первые заработанные мной деньги!

А сегодня случилось неожиданное. В ресторан нагрянуло всё семейство Тернеров. Надо ли говорить, как вытянулись их лица при виде меня?

— Шелби? — восклицает Ким. — Что ты здесь делаешь?

Я изо всех сил стараюсь сохранить непринуждённо-приветливое выражение лица, хотя от неловкости хочется провалиться сквозь землю.

— Привет, Ким. Добрый вечер, миссис и мистер Тернер. Позвольте проводить вас к столику, — с безмятежной улыбкой произношу я, выходя из-за стойки.

Поравнявшись с Ким, тихо шепчу:

— Я тебе потом всё объясню, окей?

— Жду с нетерпением, — шипит она в ответ.

На протяжении ужина подруга сверлит меня нетерпеливым взглядом. Понимая, что она не отстанет, я отпрашиваюсь у управляющего на десятиминутный перерыв и утягиваю её на улицу.

— Как давно ты здесь работаешь? — сразу набрасывается Ким.

— Почти месяц, — пожимаю плечами. — Типа подработки на лето.

— Очень смешно, — раздражённо выдыхает она. — А теперь рассказывай, какого чёрта происходит на самом деле.

Подавив тяжёлый вздох, я решаю сказать как есть. Рано или поздно она всё равно узнает правду.

— Если коротко, отец больше не будет поддерживать меня финансово. Теперь я сама по себе. И да, учёба в Гарварде мне не светит.

Пока я говорю, глаза подруги всё больше темнеют. А дослушав, она выдаёт гневную тираду, на чём свет стоит поливая моего ублюдочного родителя.

— И когда ты планировала мне рассказать?

Не дождавшись ответа, она категорично заявляет:

— Я поговорю с папой насчёт займа. Он непременно поможет.

— Вот именно поэтому я и не хотела тебе говорить. Мой ответ — нет! Я не стану занимать деньги у твоей семьи.

Она замирает, словно сомневается, верно ли меня поняла.

— То есть ты готова отказаться от Гарварда, фактически пустить своё будущее под откос из-за гордости? Так?

— Ким… — Я держусь изо всех сил, но голос срывается. — Разве похоже, что у меня есть выбор? Обучение мне не по карману. Может, когда-нибудь я накоплю достаточную сумму, а пока… Честно, я не вижу выхода.

— Стеф в курсе?

— Нет, никто не знает. И не вздумай ей сообщать! — строго предупреждаю я. — Это мои проблемы. А теперь извини, мне пора возвращаться.

— Рано сдаваться, — не унимается подруга, следуя за мной по пятам.

— Ким, я правда благодарна тебе за заботу. Но не наседай. Мне сейчас и так несладко.

Она отступает, но ненадолго. Уже на следующий день принимается бомбить меня сообщениями, суть которых сводится к одному: возьми деньги моего отца! Из чего становится ясно, что Ким не только поведала родителям о моём затруднительном положении, но и убедила отца помочь. Да, на её месте я поступила бы так же. Но всё внутри переворачивается от одной мысли о том, чтобы брать деньги её семьи.

Нет, нет и ещё раз нет!

Тем же вечером раздаётся видеозвонок от Стеф, и меня до краёв заполняет раздражение. В голове мгновенно складывается предшествовавшая звонку цепочка событий. Скорее всего, Ким проигнорировала мою просьбу и поведала о моей проблеме Стеф. И теперь обе объединились под лозунгом: *«спасем бедняжку Шелби!»*.

Резко выдохнув, я свайпаю по экрану. Но стоит взглянуть на изображение, как меня охватывает ужас и весь боевой настрой мигом улетучивается.

Стеф выглядит кошмарно! Её нос скрывает огромная лонгета, а под глазами красуются чудовищные фиолетовые синяки, словно она только что прошла инициацию в бойцовском клубе.

— Господи, Стеф! — испуганно восклицаю я. — Что с тобой приключилось?

— Я сделала ринопластику, — жутко гнусавым голосом сообщает подруга. — Спойлер: даже не думай повторять. Реабилитация — полный отстой!

Смотрю на неё со смесью жалости и восхищения. Стефания ненавидела свой «греческий» нос, сколько я её помню, и всегда мечтала его исправить. Но, честно, я бы никогда на такое не решилась.

— Поздравляю с новым носом! Но… прости, сейчас ты похожа на отбивную!

— А ты — на ослиную задницу! Какого чёрта не сказала, что у тебя проблемы с деньгами?

Ким! Она всё-таки проболталась! Ну, я тебе устрою!

Мне требуется вся выдержка, чтобы не разразиться проклятиями в адрес Тернер.

— Знаешь, говорить и одновременно дышать ртом невыносимо. — В подтверждение своих слов Стеф делает пару глубоких вдохов и только потом продолжает: — Поэтому не вздумай перебивать! Завтра в час дня ты встречаешься с Ким в Центральном парке.

Она вновь прерывается, чтобы отдышаться.

— У неё есть для тебя новости и предложение, от которого ты не посмеешь отказаться. Иначе я лично прилечу в Нью-Йорк и наколочу по твоей симпатичной, но упрямой заднице.

Еле говорит, с трудом дышит, а всё туда же!

— Извини… — бормочу я, изо всех сил сдерживая хохот.

— Смешно ей, — доносится в ответ обиженное. — Учти, у меня в каждой ноздре по метру бинтов. И, клянусь, я свяжу тебя ими, если не послушаешься.

— Хорошо-хорошо, я встречусь с Ким. Но едва ли она сообщит мне что-то новое.

— Тогда тебя ждёт сюрприз, — гнусавит Стеф и силится улыбнуться.

Но, ей-богу, это выглядит так жутко и одновременно нелепо, что мои плечи вновь начинают трястись от смеха.

На следующий день, примерно представляя суть предстоящего разговора, я отправляюсь на встречу во всеоружии: абсолютно спокойная и твёрдо убеждённая в принятом решении.

Ким поджидает меня на одной из лавочек Центральной аллеи.

—Я ужасно зла на тебя, — вместо приветствия выпаливаю я. — Ты проигнорировала мою просьбу и обо всём рассказала Стеф! Разве так поступают подруги?

— Именно так и поступают! — мгновенно вскидывается она. — Думаешь, я буду молча стоять в стороне и смотреть, как из-за непомерной гордыни моя лучшая подруга гробит своё будущее?

Судя по упрямо сжатым губам, Ким ни капли не раскаивается в маленьком заговоре, устроенном за моей спиной. Меня же разбирает негодование.

— Даже комментировать не собираюсь.

Я резко опускаюсь рядом и на секунду прикрываю глаза, пытаясь вернуть спокойствие.

— Я вся внимание. Какую новость ты хотела сообщить?

— Стеф тоже будет учиться в Гарварде. Она не говорила тебе, потому что хотела сделать сюрприз.

На какое-то мгновение я чувствую укол зависти. У подруг есть родители, которые не отказываются от ответственности. И есть будущее: вскоре обе станут студентками лучших университетов страны, а после начнут карьеру в выбранных областях. На их фоне мои перспективы выглядят, мягко говоря, удручающе. Но я тут же отвешиваю себе мысленный подзатыльник и выдавливаю улыбку.

— Отличные новости. Будете присматривать друг за другом.

— Боже, я тебя сейчас покусаю! — взрывается Ким, вновь меня удивляя.

Оказывается, ничто человеческое ей не чуждо, в том числе и бурные эмоции.

— Мы должны были отправиться в Массачусетс втроём. Таков был план!

Кстати, об этом. Ким пришло предложение из Массачусетского технологического института, что неудивительно, учитывая её выдающиеся способности в математике. Получив заветные письма, мы визжали и прыгали как две сумасшедшие. Ведь наши учебные заведения находятся всего в двух станциях метро друг от друга, а значит, расставание нам не грозило. И это ещё одна веская причина, почему Ким так отчаянно хочет видеть меня среди студентов Гарварда.

— Теперь рядом с тобой будет Стеф, — спокойно замечаю я. — Так что и переживать не о чем.

Несколько мгновений подруга сверлит меня негодующим взглядом, затем делает глубокий вдох и продолжает уже менее эмоционально:

— Ладно, есть ещё один вариант. Банковская ссуда. Папа сказал, можно попробовать оформить частный кредит на обучение. Но сумма внушительная, тебе понадобится поручитель.

— И, конечно же, твой отец согласен им выступить, — догадываюсь я. — Извини, но мой ответ по-прежнему нет.

— Прекрати сопротивляться! Хотя бы просто узнай, какие у тебя есть возможности, — умоляет Ким.

Я не спешу соглашаться. Охваченная сомнениями, раздумываю над предложением. Стоит признать, не самым плохим. Ведь в случае ссуды я занимаю деньги у банка. И возвращать их собираюсь сама. Поэтому в конце концов отвечаю согласием.

Обрадованная, Ким тут же хватает меня за руку и утаскивает в ближайшее отделение банка… где нас уже поджидает её отец!

А дальше… До сих пор недоумеваю, как это произошло. Наверное, всему виной два очень настойчивых Тернера. Отец и дочь неслабо на меня насели, а вежливый менеджер отдела кредитования им отлично подыграл. В итоге я всё-таки согласилась принять помощь мистера Тернера и подать заявку на кредит с его поручительством.

Спустя несколько дней пришло предварительное одобрение. После оформления всех документов я стала счастливой (или, скорее, обречённой?) обладательницей кредита на образование.

Угроза остаться неучем отступила. Вместо неё над головой нависла новая — огромный долг перед банком и необходимость его выплатить. Я прекрасно понимала, что мистер Тернер рискует ради меня, и не имела права его подвести.

А это значит… мои проблемы только начинаются.

Хейз.

Мы прощаемся с Кьярой в Риме. Меня ждёт длительный перелёт через Атлантику, а её путь лежит обратно, на семейные виноградники.

Весь полёт меня не покидает чувство благодарности и приятное послевкусие нашего маленького путешествия. В нём смешались нотки сочных фруктов, вина, солёного бриза, лёгкости и ничем не омрачённого счастья. Да-да, впервые за долгое время я снова чувствовал

себя счастливым без всяких оговорок вроде «вот если бы…». И наслаждался каждым мгновением проведённым с Кьярой. Уверен, воспоминания о ней будут согревать меня даже в самые холодные дни.

Однако стоит приземлиться и глотнуть нью-йоркского смога, как от недавней лёгкости не остаётся и следа. Душу вновь бередят воспоминания о трагических событиях и людях, принимавших в них самое непосредственное участие.

Вызвав такси, я называю водителю адрес городской квартиры Уильяма. Узнав о моём приезде, брат наотрез отказался заселять меня в отель, сославшись на полную загрузку, и настоял, чтобы я остановился у него. Хотя подозреваю, дело не в отсутствии свободных номеров. Наверняка ему хочется провести со мной побольше времени.

Что касается меня… Да, я соскучился по семье, но точно не по квартире Уилла.

ЭТО начинается, едва я переступаю порог. До хруста сжимаются кулаки, а в желудке поселяется тяжёлое давящее чувство, словно туда поместили булыжник. Одна за другой перед глазами мелькают картинки недавнего прошлого: браслет на ноге Уилла, его отчаянные запои; вечеринка, во время которой я представил брату свою девушку, а после впервые переспал с ней.

Ноги сами несут меня в сторону гостевой спальни. Остановившись в дверном проёме, я обвожу комнату взглядом. Здесь ничего не изменилось. Даже картина на стене — и та осталась. Как только взгляд падает на разноцветную мазню, уровень адреналина в моей крови резко подскакивает. Хочется сорвать полотно и порезать на лоскуты. Но вместо этого я лишь снимаю его со стены и закидываю в подсобку, а после выметаюсь из квартиры, даже не разобрав вещи.

Ни к чему рисковать имуществом брата. Не уверен, что, останься я здесь ещё на пять минут, что-нибудь не разобью.

Первым пунктом в списке дел значится кладбище Грин-Вуд. Со дня похорон Дерека я не был там ни разу. Купив цветы, вызываю такси и всё время, пока мы пробираемся сквозь городские пробки, перебираю в памяти моменты нашей дружбы.

Она длилась без малого три года, но оказала на меня колоссальное влияние. Во многом благодаря Дереку я окончательно определился с будущей профессией, пойдя наперекор родителям и их ожиданиям. Благодаря ему же познал истинную суть мужской дружбы. Когда вы можете посылать друг друга к чёрту, ссориться, но ты всегда знаешь: он ввяжется в любое дерьмо ради тебя. Как и ты ради него.

С тяжёлым сердцем я миную ворота кладбища. Извилистая тропинка ведёт меж застывших каменных изваяний и поднимается по склону к могиле Дерека. Отсюда открывается красивый вид на залив. За ним виднеются небоскрёбы, сегодня подёрнутые белёсой дымкой и оттого кажущиеся миражом.

Точно такая же дымка сейчас застилает мои глаза.

— Привет, бро. Здесь отличный вид, — хрипло приветствую я друга.

Смотрю на выгравированное в камне знакомое лицо. На секунду кажется, что сейчас с его губ сорвётся очередная шутка, в которой зачастую было гораздо больше смысла и пользы, чем в лучших советах мозгоправов. Но, конечно же, ничего подобного не происходит. Вокруг лишь тишина, изредка нарушаемая птичьими трелями.

Наклонившись, убираю завядший букет белых роз, опускаю на могилу свежие цветы. И начинаю негромко говорить. Рассказываю, как прожил этот год, делюсь новостями об общих знакомых. Говорю об учебных буднях, выходках моих новых соседей и нашем мужском общежитии.

Это ни капельки не похоже на разговор, однако мне становится чуточку легче. Словно здесь стираются границы между живыми и мёртвыми, а слова складываются в невидимый мостик, связывающий тебя с ушедшим.

Никогда бы не подумал, что такое возможно, но меня не покидает ощущение, будто мы действительно повидались и всё это время друг был где-то рядом. Ответить не мог, но слышал каждое моё слово.

Наверное, поэтому я покидаю кладбище умиротворённым, ещё на шаг ближе к тому, чтобы смириться с потерей.

После отправляюсь на встречу с отцом в ресторан на Парк-авеню. Он не единственный посетитель, однако я замечаю его сразу. Надо отметить, должность сенатора ему к лицу. Джон Кингсли прямо-таки излучает власть, уверенность и силу. Пока иду к нему, то и дело ловлю любопытные взгляды, обращённые в его сторону.

Завидев меня, отец поднимается и приветливо хлопает по плечу, но, сжав мою руку выше локтя, изумлённо округляет глаза.

— Не знал, что ты вступил в сборную Гарварда по регби. Откуда столько мышц?

— В сборную не вступал, просто последний месяц вкалывал на винодельне дедов. Кстати, ты тоже отлично выглядишь!

Мы заказываем еду и, пока ждём, обмениваемся последними новостями.

— Как мама?

— Благотворительные приёмы, дамские клубы, встречи. Иными словами, она полностью вжилась в новую роль. — На его лице появляется какая-то шальная улыбка. — Будешь смеяться, но теперь она грезит о роли первой леди. Вбила себе в голову: раз наши инициалы совпадают с инициалами четы Кеннеди, это добрый знак.

Я задумываюсь. А ведь и правда, совпадают. До мурашек. Моя мама — Жаклин Кингсли, отец — Джон Кингсли. Но, по моему скромному мнению, ничего доброго в таком совпадении нет. Скорее нечто зловещее.

— Она ведь в курсе, чем закончилось президентство Кеннеди?

— В курсе, — кивает отец. — И считает, что молния не бьёт дважды в одно и то же место.

— Ты хотел сказать — пуля?

— Беспокоиться не о чем, — успокаивает он. — Я не планирую баллотироваться в президенты. Разобраться бы с текущими обязанностями.

— Не всё так просто, верно?

— Да как тебе сказать… — Он задумчиво барабанит пальцами по столу. — Вот уже год я бьюсь над проектом госпиталя для неимущих. Нам даже удалось построить здание, но бюрократическим проволочкам нет конца и края.

На его лице появляется крайне раздосадованное выражение, словно это действительно его печалит.

Папа и благотворительность? Хм… Что-то новенькое.

— С каких пор тебя заботят неимущие? — недоумеваю я.

— Вот с этих самых. Не хочу быть очередным сенатором — всего лишь лицом, промелькнувшим в веренице прочих. Хочу принести городу пользу, оставить след, — со вздохом признаётся он, но тут же меняет тему: — Ну да ладно, что мы всё обо мне. Расскажи, как прошёл твой отпуск в Италии.

Справившись с удивлением от неожиданного признания отца, я вкратце рассказываю о путешествии, разумеется, умалчивая о его последних днях. Ни к чему нагружать родителя лишними подробностями.

В целом обед проходит спокойно. Ни разговоров об отелях, ни попыток убедить меня сменить профессию. Даже странно. Неужели отец наконец-то принял мой выбор?

Впрочем, тем же вечером становится ясно почему.

Как только мы встречаемся с Уиллом, я сразу отмечаю произошедшие с ним перемены. Он держится уверенно и спокойно. Здоровый цвет лица тоже подсказывает: брат наконец

взялся за голову, завязав с гулянками и излишествами. Похоже, семейное дело в надежных руках. И мое участие больше не кажется отцу обязательным.

— Привет, братишка. Ты такой загорелый! — Уилл с любопытством разглядывает меня. — И крепкий. Признаться, я опасался увидеть чахлого, замученного учебниками ботана.

— Так и было, — подыгрываю я. — Но месяц в Италии сделал своё дело.

Мы проходим в гостиную. Брат откупоривает бутылку белого вина и наполняет два бокала. Один протягивает мне со словами:

— С приездом, брат!

Опустившись на диван, он закидывает ногу на ногу и делает небольшой глоток.

— Кстати, бабушка с дедушкой передают тебе привет, — вспоминаю я.

— Как они? Ещё справляются с хозяйством?

— Да, бодры и крепки. Ты бы тоже как-нибудь их навестил. Они всегда тебе рады. Ты ведь знаешь?

— Конечно, знаю. Но работа занимает всё моё время. Сам понимаешь, летний сезон — самый горячий.

Вечер проходит в неспешных разговорах. Уилл рассказывает о делах в отеле, о своей жизни. И я окончательно убеждаюсь, что прошлогодняя история не прошла бесследно. Выпутавшись из той передряги, он сумел сделать верные выводы и пересмотреть приоритеты.

На следующий день мы едем на ужин к родителям. Наблюдая за мамой, я прихожу к выводу, что отец прав. Она абсолютно довольна своим нынешним статусом. Более того, в кои-то веки родители рассказывают о совместных планах, подшучивают друг над другом. В их глазах впервые за долгое время светятся теплота и взаимопонимание.

Нью-Йорк я покидаю с лёгким сердцем, уверенный, что у моих родных всё идёт хорошо. Уже из самолёта смотрю на раскинувшийся внизу город и понимаю, что хочу как можно скорее оказаться в Бостоне.

Скажу больше: я не желаю связывать свою дальнейшую жизнь с Нью-Йорком. Слишком много шума и внимания, особенно сейчас, когда отец занимает высокий пост. Меня совершенно не прельщают ни возможности, ни привилегии, которыми можно воспользоваться, будучи сыном сенатора.

Я всего добьюсь сам. И это будет далеко отсюда.

В Америке полно городов, где перспектив построить успешную карьеру ничуть не меньше, чем в Нью-Йорке. Где гораздо чище, приятнее, легче дышится. И где тебя не настигают отвратительные флешбэки минувших событий.

Глава 3.

Два месяца спустя.

Хейз.

В Гарвард-Ярде яблоку негде упасть. Куда ни глянь, повсюду ошалелые от радости первокурсники. Глядя на их восторженные лица, я испытываю смесь жалости и ехидства. Им кажется, что они уже победители, но они сильно заблуждаются. В ближайшие месяцы каждый из них офигеет от немилосердной учебной программы, требующей максимальной концентрации с утра до вечера. Обзаведётся синяками под глазами и кофеиновой зависимостью. И прежде чем адаптироваться, сотни раз подумает о том, чтобы сдаться.

Когда-то и я был таким, а теперь почти небожитель. Шутка ли, дотянул до последнего курса.

Усмехнувшись своим мыслям, я перевожу взгляд на приятелей.

Близнецы Хаксли наперебой расписывают стайке наивных первокурсниц, какая из многочисленных библиотек кампуса лучшая. Вот уже который день Майлз и Шейн работают волонтёрами-координаторами, консультируя новых студентов по разным вопросам. Но, как несложно догадаться, ничего благородного в их порыве нет. Братья попросту присматриваются к первокурсницам и самых симпатичных зазывают на ближайшую вечеринку по случаю начала учебного года.

Поскольку занятия ещё не начались и делать совершенно нечего, я решил составить им компанию. И теперь стою, подпираю раскидистую липу, наблюдая за их спектаклем.

В какой-то момент ко мне подходит Шейн и толкает локтем, указывая куда-то в сторону.

— Хейз, у меня галлюцинации или это Шелби?

Проследив за его взглядом, я мгновенно каменею. Знакомая лазурь глаз, нежный овал лица… только волосы теперь короче. Но даже это её не портит — стерва всё так же красива. Ошибки быть не может: по дорожке действительно неспешно шагает Шелби в компании какого-то парня.

А ещё на ней толстовка с логотипом… Гарварда!

И все самообладание, которое я так старательно собирал по кусочкам, летит к чертям. В груди вновь поднимается волна злобы и ненависти, смешанной с жаждой мести. Увидеть здесь Шелби — всё равно что вновь пережить тот кошмар наяву. Она — триггер, вмиг ожививший целый ворох ужасных воспоминаний.

Не думая, я срываюсь с места и несусь прямо к ней. За спиной что-то кричит Шейн, но его голос заглушает бешеный стук собственного сердца.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — выплёвываю я, преградив ей дорогу.

От неожиданности её глаза распахиваются, а лицо стремительно бледнеет. На нём калейдоскопом сменяются потрясение, страх и сильнейшее разочарование. Последнее особенно удивляет. Неужели думала, я обрадуюсь, увидев её?

— Привет, Хейз.

— Что за грёбаные игры?

Её спутник хмурится, его недоумённый взгляд мечется между нами. Наконец Шелби вспоминает о парне и поворачивается к нему с извиняющейся улыбкой.

— Извини, Джошуа. Увидимся позже.

Дождавшись, когда он отойдёт на достаточное расстояние, она вновь обращается ко мне:

— Никаких игр. Я первокурсница. — Она указывает на название прижатого к груди учебника: «История Конституции США». — Когда-то один человек сказал, что из меня выйдет хороший юрист.

Твою ж мать! Она ещё и вознамерилась стать правозащитником! После всего того, что совершила её семейка и сама Шелби, я воспринимаю эти слова как самую гнусную издёвку, а её появление в Гарварде — как личное оскорбление.

— Право?! Серьёзно? И, конечно же, других колледжей не нашлось?!

— Почему я должна выбирать другой колледж? — Её идеальные брови удивлённо приподнимаются. — Только потому, что здесь учишься ты? Не припоминаю, чтобы у Кингсли имелись эксклюзивные права на Гарвард.

Прозвучавшие слова действуют как спичка, поднесенная к пороховой бочке. До хруста сжав кулаки, я делаю шаг вперед, нависая над ней и гневно цежу:

— Не. Смей. Произносить. Мою. Фамилию!

На секунду она вся сжимается, в глазах застывает такой неподдельный ужас, словно вот-вот ожидает удара.

Это слегка отрезвляет.

Очнувшись, я делаю шаг назад. Краем глаза замечаю, что окружающие уже начинают коситься на нас. Чёрт! Выносить наш конфликт на всеобщее обозрение — последнее, чего мне хочется. Приходится призвать на помощь всю свою выдержку.

— Надеюсь, тебе хватит ума держаться от меня подальше.

Несмотря на сдержанную формулировку, это вполне конкретная угроза. Убедившись, что меня правильно поняли, я резко разворачиваюсь и иду прочь.

Вскоре меня догоняют Хаксли. У обоих такой взъерошенный вид, словно не я, а они только что столкнулись с худшим человеком в своей жизни.

— Что произошло? Почему она здесь? — нетерпеливо спрашивает Майлз.

— Учиться приехала, — злобно поясняю я.

— Жесть, — ошеломлённо тянет Шейн. — Кажется, нас ждут «веселые» времена?

— И что ты планируешь делать? — Майлз продолжает идти рядом, обеспокоенно заглядывая мне в лицо.

В ответ я лишь неопределённо дёргаю плечом, всем видом показывая, чтобы от меня отстали.

Они продолжают обмениваться встревоженными репликами, но я не слушаю. Из головы не выходит её реакция, когда я приблизился. Она не просто испугалась. Она действительно ждала удара.

От этой мысли становится не по себе, и на мгновение хочется вернуться. Сказать, что я бы никогда так не поступил.

Но я говорю себе: стоп! Какого чёрта это меня волнует? Шелби Эллингтон не заслуживает жалости. И я сделаю всё возможное, чтобы её пребывание в Гарварде стало невыносимым.

Шелби.

Больше нет смысла храбриться. Разговор с Хейзом подействовал как инъекция со смертельной дозой разочарования, отравляя и выжигая всё то, ради чего я жила последние месяцы. Плечи понуро опускаются, ноги продолжают переступать, но единственное, чего мне хочется, — опуститься на газон, свернуться улиткой и лежать, пока жжение в груди не утихнет. Я надеялась… хотя бы на простое «привет». А вместо этого получила шквал адской ненависти.

Перед глазами до сих пор стоит его взбешённый, испепеляющий взгляд, затмевая собой всё вокруг. А в голове одна-единственная фраза на репите:

«Надеюсь, тебе хватит ума держаться от меня подальше».

Ума, может, и хватит, но что делать с сердцем, которое каждый день тоскует по тебе?

Как быть с памятью, хранящей сотни прекрасных моментов?

И чем унять глухую ноющую боль, поселившуюся во мне с того кошмарного дня?

Я не знаю, как называется моё состояние — шок или потрясение, — но нет даже слёз. Лишь опустошающее непонимание, как жить в мире, где мы не вместе. Снова надеяться, врать самой себе, что у нас ещё есть шанс?

Но эта встреча показала: нет даже крохотной надежды. Похоже, один только мой вид вызывает в нём неприязнь. И Хейз ни разу не произнёс моего имени вслух — это я тоже заметила. Словно «Шелби» стало синонимом чего-то мерзкого, непотребного, способного осквернить окружающий воздух.

Не помня себя, дохожу до общежития и, войдя в комнату, медленно опускаюсь на пол. Книги выскальзывают из рук и с глухим стуком падают рядом. Мной овладевает ощущение безмерного одиночества.

Рука инстинктивно тянется в сторону, силясь нащупать покрытый шерстью лоб, всегда готовый юркнуть под тёплую ладонь. Но я тут же вспоминаю, что мой верный питомец сейчас в гостинице для собак. Такой же несчастный и покинутый, как его хозяйка. Тоже оказавшийся в незнакомом месте, среди чужих людей, недоумевающий, какого чёрта его жизнь так круто изменилась, и вынужденный как-то справляться с новой реальностью.

Проходит немало времени, прежде чем я уговариваю себя встать. Собираю с пола книги и складываю их на стол.

Самое печальное, что я полностью понимаю Хейза и не осуждаю. Едва ли он вспоминает краткие периоды счастья — прогулку на яхте, дни, проведённые в Греции. Для него я навсегда осталась подлой, вероломной предательницей. И сегодня за Хейза говорили боль, обида и злость. Но мне хочется верить, что где-то там, внутри, все ещё теплятся светлые чувства ко мне.

В унисон мыслям в голове звучит вкрадчивый голосок:

Возьми себя в руки! Ты столько сделала, чтобы попасть сюда. Сдаваться рано.

Хейз рядом. И ты непременно найдёшь способ достучаться до его сердца.

И это помогает окончательно собраться. Приступ жалости заканчивается, уступая место спокойной уверенности. Если я чему-то и научилась в монастыре, так это терпению. Я затаюсь, выжду идеальный момент и объяснюсь с ним.

За спиной раздаётся звук открывающейся двери. Через секунду влетает Стеф и с размаху кидает рюкзак на кровать.

— Как же мне здесь нравится! — возбужденно сообщает она. — Вокруг столько разных людей, и все такие доброжелательные.

Я бы поспорила…

— Представляешь, один милый парень позвал меня на занятия по конфликтологии. Как думаешь, мне стоит согласиться?

— Конечно, почему бы и нет? — Я пожимаю плечами. — Ты же планируешь специализироваться на психологии. По-моему, очень в тему.

Подруга беззаботно кружит по комнате, собирая разбросанные вещи, я же тихо радуюсь за нее.

Долгое время изолированная от бренного мира на виллах и яхтах, сейчас Стефания с неистовым энтузиазмом кинулась постигать азы обыденной студенческой жизни. Ей было в диковинку, что никому нет дела до её статуса и состояния её отца, никто не пытается лебезить или угождать ей, как это постоянно происходило на Крите. Здесь она стала обычной девятнадцатилетней девчонкой без привилегий, одной из тысяч студенток с равными правами.

Хотя насчёт привилегий я поторопилась. Ума не приложу, как ей удалось обойти систему, но нас поселили вместе. Дело в том, что первокурсники не выбирают себе ни общежитие, ни соседей: нас распределяют сотрудники университета, ориентируясь на заранее заполненные анкеты. Признаться, я немного переживала по этому поводу. Но проблема решилась очень быстро благодаря одной настойчивой и бескомпромиссной особе. Нам предоставили неболь-

шой блок в Тайер-Холле с двумя хоть и крошечными, но отдельными спаленками — невероятная роскошь, учитывая, что многим студентам приходится делить комнату с соседями.

Вообще, решение Стеф продолжить обучение стало для меня настоящим сюрпризом. Но моя неподражаемая подруга заявила:

— У меня есть деньги, есть всё, что я пожелаю… кроме себя самой. Я хочу стать кем-то большим, чем богатой наследницей. Понимаешь?

О, я понимала! За свою недолгую жизнь я успела побыть избалованной маленькой принцессой, нелюбимой дочерью, объектом всеобщего презрения, нищенкой — кем угодно, только не собой настоящей. И сейчас столь же отчаянно жаждала понять, кто я и чего стою в этой жизни.

Тем временем, подруга интересуется:

— А как прошёл твой день?

Поскольку я не спешу отвечать, Стеф притормаживает и окидывает меня пристальным взглядом.

— Итак, судя по твоей несчастной мордашке, встреча состоялась, — невесело уточняет она.

— Типа того.

— Не хочешь рассказать?

— Если честно, не хочу, — отрезаю я.

Вспыхнувшую досаду Стеф быстро прячет, но меня не обмануть. Я разворачиваюсь к ней и предельно серьёзно прошу:

— Ты должна пообещать мне кое-что… ни при каких обстоятельствах не вмешиваться и не пытаться нас примирить. Знаю, вы с Ким полны решимости помочь, но на деле сделаете только хуже. Мы с Хейзом должны сами разобраться в наших непростых отношениях.

В ответ она поднимает левую руку, а правой бережно касается носа. С её улыбающихся губ срывается торжественное обещание:

— Клянусь своим новым носом! А ты знаешь, я от него без ума.

И то правда, Стеф по тридцать раз на дню смотрелась в зеркало, видимо, проверяя, не превратился ли он обратно в тыкву. А если серьёзно, благодаря ринопластике подруга невероятно преобразилась. Кто бы мог подумать, что форма носа так сильно влияет на внешность. Она стала настоящей красоткой, можете не сомневаться. Помимо прочего, всё лето упорно занималась спортом, доведя фигуру почти до идеала. Одним словом, подошла к новой вехе своей жизни крайне серьёзно.

— Принято! — киваю я.

— А теперь погнали в столовую Анненберг-Холла. Говорят, интерьер один в один как обеденный зал в Хогвартсе!

Хейз.

Вот уже полчаса я наворачиваю нервные круги по гостиной, силясь успокоиться. Но тщетно. Все старые пробоины, которые я так тщательно латал минувший год, снова открылись, и меня захлёстывают бурлящие эмоции.

До сих пор в голове не укладывается: как она посмела заявиться сюда?! Да ещё с таким невозмутимым лицом, словно ничего странного не происходит. И мы сможем спокойно учиться в непосредственной близости друг от друга. Конечно, никаких проблем!

Чёрт бы тебя побрал, Шелби! О чём ты думала, выбирая Гарвард?! Какие цели преследовала?

Поймав себя на этой мысли, я резко останавливаюсь. Вот с чего нужно начать! С мотивов! Вероятнее всего, её появление здесь неслучайно. А как иначе объяснить, что из всех сотен колледжей Америки, она выбрала именно Гарвард?!

Внезапная догадка помогает мне окончательно прозреть. Я медленно опускаюсь на диван и откидываюсь на подушки. Стоит хорошенько обдумать линию защиты и нападения.

Итак, что может предпринять Шелби?

Первое, что приходит на ум, — попытается вернуть меня. Скорее всего, скормит слезливую историю о том, как сожалеет о случившемся, будет раскаиваться и умолять дать ещё один шанс.

На секунду мелькает мысль подыграть ей. Как говорится, держи врагов ещё ближе. Это позволит контролировать её, а в случае чего — быстро нейтрализовать. Но я тут же отметаю эту идею. Не потому, что боюсь поддаться былым чувствам. Мне претит сама мысль о возобновлении общения с ней.

Еще как вариант досаждать ей всеми доступными способами, превратив жизнь в ад. Именно так я и собирался поступить после встречи с ней. Но сейчас поостыв, понимаю: любое действие с моей стороны лишь подстегнет ее интерес. Нет уж. Самое верное — вообще игнорировать её существование

Из задумчивости меня выводят голоса парней, доносящиеся с улицы. Вскоре в гостиную входят близнецы с пакетами, из которых выглядывает что-то яркое и блестящее. На лицах обоих — заговорщицкие улыбки, не предвещающие ничего хорошего. Шейн выхватывает цветочное ожерелье и водружает его себе на шею.

— В ближайшую пятницу у нас гавайская вечеринка, — радостно сообщает он. — Только представь: девушки в кокосиках, коктейли и полный разврат под луной.

— Кокосики?

У меня только одно предположение на этот счёт, и дальнейшие действия друга полностью его подтверждают.

В следующее мгновение он выхватывает из пакета нечто, отдалённо напоминающее бюстгальтер. Вот только вместо чашечек — две скреплённые между собой кокосовые скорлупки. Конечно же, он натягивает их на себя и принимается двигать плечами, выпячивая импровизированную грудь.

— М-да, парочка судебных исков за сексизм тебе гарантирована, – подсказываю я.

— Ничего подобного! — самодовольно ухмыляется Шейн. — Главное — раздать реквизит, когда девчонки достаточно разогреются алкоголем. Вот увидишь, это сработает!

— Удачи, бро, — кидаю я и подхожу ближе, чтобы заглянуть в пакеты.

Интересно, какой ещё реквизит заготовили Хаксли? Помимо скорлупок и цветочных ожерелий, там обнаруживаются зонтики для коктейлей, надувная пальма и бумажная гирлянда «ALOHA!». Подготовились, ничего не скажешь!

Закончив осмотр, я встречаюсь взглядом с Майлзом и замечаю в его глазах сочувствие. Только этого не хватало! Наверняка, близнецы успели обсудить недавний инцидент и напридумывали себе не Бог весть что.

— Послушай, мы понимаем, что после встречи с бывшей ты не в настроении, — начинает он, полностью подтверждая мою догадку. — И сделаем всё, чтобы тебя отвлечь. Так что не кисни, подыграй нам.

— Во-первых, мне абсолютно плевать на бывшую.

Враньё, конечно, но не показывать же, насколько меня задело появление Шелби.

— Во-вторых, и думать забудь, что я нацеплю кокосики, как твой брат.

— А я и не надеялся, — невозмутимо парирует Майлз. — Моя просьба проще некуда. Во время вечеринки не запирайся в своей комнате, как старый пердун. Будь с нами, подцепи красивую девчонку, оторвись по полной. Последний месяц ты почти не вылезал из офиса и заслужил немного веселья.

И ведь не поспоришь. После возвращения из Италии я действительно работал стажёром. Из кожи вон лез, чтобы оправдать ожидания Фримена, но больше всего — свои собственные. И, судя по тому, что босс предложил мне остаться в штате, у меня всё получилось!

Теперь трижды в неделю после занятий я буду работать в офисе. Пока младшим ассистентом, но я рад даже этому. Ведь фирма «Гастингс &Фримен» на слуху, а спектр её услуг огромен: от представления интересов корпоративных клиентов до ведения судебных дел частных лиц. Работа в столь серьёзной компании, вне сомнений, украсит моё резюме и даст фору другим выпускникам нашего курса.

В поток мыслей вновь врывается голос Шейна:

— Мы провели настоящий кастинг, отобрали самых горячих девчонок. Всё ради тебя! — Он подмигивает и расплывается в широченной улыбке. — Что скажешь?

— Имей в виду, отказ не принимается, — поддакивает Майлз.

Заранее зная, что услышу нечто подобное, я подавляю вздох и с видом мученика возвожу глаза к потолку.

— Окей, я буду с вами, но ничего не обещаю.

Перспектива переспать с первокурсницей, а после избегать её навязчивого внимания совершенно не прельщает. Поэтому решаю просто потусить с парнями и улизнуть до того, как все напьются. Кстати, об этом…

— Закажите клининг заранее, — прошу я. — Не хочу проснуться субботним утром и наступить в чью-то блевотину.

И такое бывало. С тех пор мы заранее заказываем раннюю уборку, и к тому моменту, как просыпаемся, весь дом уже сверкает чистотой.

— Заметано, — легко соглашается Шейн. — А теперь предлагаю заказать пиццу и посмотреть какой-нибудь фильм.

— Я за! — восклицает Майлз и резко устремляется к пульту наперерез брату.

Что-то с грохотом падает на пол, слышатся сдавленные проклятия, возня и, наконец, победный клич. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы представить, что произошло: Майлз валяется между диваном и журнальным столиком, а Шейн исполняет танец победителя с зажатым в руках пультом.

И так постоянно.

Не припоминаю, чтобы мы с Уиллом занимались чем-то подобным. Последняя братская драка случилась лет… пять назад. Мы здорово отмутузили друг друга, и, пока родители орали на нас, костеря на чём свет стоит великовозрастных дебилов, мы хохотали до колик в животах.

— Смотрим «Хищника»! — слышится за спиной радостный вопль Шейна.

Спустя пару часов я поднимаюсь к себе, чтобы подготовиться к завтрашнему дню. Перебираю учебники на полках, откладывая те, что понадобятся завтра. Но ловлю себя на том, что думаю вовсе не об учёбе. А об одной невероятно наглой особе, у которой хватило смелости вновь появиться в моей жизни.

Шелби.

Первый учебный день начинается в семь утра. За час я еле успеваю принять душ, наспех высушить волосы и натянуть классические брюки, лёгкий джемпер и лоферы. По пути в Анненберг-Холл сверяюсь с расписанием. Сегодня у меня две вводные лекции по основам политической теории, философии и семинар по истории. Что ж, день обещает быть интересным. Рядом в столь же нервозном состоянии шагает Стеф, бубня что-то про треклятых жаворонков, к которым она, вне сомнений, не относится.

В столовой мы подхватываем подносы с завтраком и занимаем свободный стол. Пока Стеф тщательно пережёвывает белковый омлет и ломтики апельсина, я успеваю заглотить свой

сэндвич и овсянку. После завтрака наши пути расходятся. Я направляюсь в Лэнгделл-Холл, она же спешит в Север-Холл, где проходит большинство занятий по гуманитарным дисциплинам.

Мне удаётся довольно быстро отыскать нужную аудиторию. К тому времени, как я вхожу, все задние ряды уже заняты, так что приходится довольствоваться третьим. Устроившись, я украдкой разглядываю остальных студентов и прихожу к выводу, что мой внешний вид вполне соответствует местным нормам.

За неделю, проведённую в кампусе, я успела убедиться: здесь одеваются стильно, аккуратно, но не стараются выпендриться. Одежда недешёвая, однако никто не кичится брендами и дорогими аксессуарами. А девушки, похоже, предпочитают минимум макияжа и простые причёски.

Кстати, о волосах… Моё внимание привлекает рыжая макушка. Слишком яркая, чтобы её не заметить, и слишком знакомая, чтобы не насторожиться. В данный момент её обладательница стоит ко мне спиной, а потому лица не видно. Но я не верю в такие совпадения, поэтому продолжаю украдкой коситься в сторону девушки. Но вот рыжая поворачивается, а я потрясённо замираю.

Плесень Бри! Не может быть! Я не верю своим глазам!

И тем не менее это она!

Вне себя от шока разглядываю заклятую врагиню. Всё такая же надменная, самоуверенная и до ряби в глазах рыжая. Когда наши взгляды пересекаются, на её лице появляется не меньшее потрясение. Но, надо отдать должное, Бриане удаётся взять себя в руки быстрее. Её губы растягиваются в гаденькой улыбочке, а глаза мстительно прищуриваются, отчего она становится до нелепости похожа на злобную куклу Лабубу. Клянусь, один в один!

И, совсем как Хейзу недавно, мне хочется воскликнуть:

«Неужели других колледжей не нашлось?!»

Резко отвернувшись, я достаю свой старенький Мак. И как раз вовремя: в аудиторию входит преподаватель по основам политической теории. Но всё время, пока длится занятие, я чувствую покалывание в затылке. Ни секунды не сомневаюсь: это Монтгомери пытается просверлить во мне дыру!

Спустя пару минут после окончания лекции за спиной раздаётся её голос:

— Привет, Шелби. Надо же, какая встреча!

— И тебе привет. Как поживаешь, Бри?

— Лучше всех, — отвечает она с ослепительной улыбкой. — В отличие от тебя. Слышала, год выдался на редкость пакостным?

Ну конечно. Было бы странно, если бы она упустила шанс меня уколоть.

— Не понимаю, о чём ты. — Я пожимаю плечами, запихивая лэптоп в чехол. — У меня всё прекрасно.

— Так ты рассчитываешь стать юристом, чтобы вытащить из тюрьмы своего брата? Или, может, хочешь помочь отцу вернуться в Америку?

— Бри, ты так подробно следишь за моей жизнью, что мне даже неловко. Я о твоей почти ничего не знаю.

— И это твой ответ? Господи, какая же ты жалкая, Эллингтон!

Высокомерным жестом она откидывает рыжие пряди за плечи и неторопливо удаляется из аудитории. Может, мой ответ действительно не тянет на гениальный, но я не собираюсь показывать, насколько задевают ее слова. Возможно, убедившись, что её выпады не действуют, Бри наконец-то отстанет от меня.

Следующая лекция проходит в этом же здании, поэтому я коротаю перерыв на скамейке неподалёку, листая учебник. Несмотря на начало сентября, ещё довольно тепло. Газоны по-прежнему зелёные, а солнце пригревает совсем по-летнему. Тепло. Хорошо. Вокруг стоит разноголосый гомон студентов, создавая радостную атмосферу лёгкой суеты.

В какой-то момент меня накрывает тень. Подняв голову, обнаруживаю перед собой Джошуа. С этим парнем мы познакомились вчера в библиотеке. Он вызвался проводить меня до общежития, а по пути между нами завязался непринуждённый разговор, из которого я узнала, что Джошуа учится на третьем курсе медицинского факультета и мечтает однажды подняться на Эверест. Последнее особенно странно слышать от человека, который, по собственному признанию, видел снег только на фото. Но, как бы то ни было, он показался мне весьма незаурядным и милым парнем.

— Привет! Так ты типа из отличниц, которые живут, уткнувшись в учебник? — В его зелёных глазах пляшут вполне безобидные искорки смеха.

— Привет. Я типа из тех, кто не теряет времени на праздную болтовню.

Мой многозначительный взгляд перемещается на группу студентов, гогочущих над какой-то шуткой.

Джошуа усмехается, отчего на его щеке появляется симпатичная ямочка. Он опускается рядом на лавку и проводит ладонью по светлым волосам. В лучах солнца они отливают мягким золотом, и это делает его глаза ещё ярче. Вообще, надо признать, мой новый знакомый обладает весьма привлекательной внешностью. Я почти уверена, у него куча поклонниц, и не только с медицинского факультета.

— Ясно. Ну и как первый день? – интересуется он.

— Пока не знаю. Спроси ближе к вечеру.

— С радостью, вот только у меня нет твоего номера. Может, обменяемся телефонами?

— Давай.

Учитывая, что в кампусе уже как минимум два человека мечтают меня придушить, друзья мне точно не помешают. Мы обмениваемся номерами, после чего я возвращаюсь в аудиторию, а Джошуа спешит в сторону метро.

В обед мы встречаемся с подругой всё в том же Анненберг-Холле, который здесь сокращённо называют «Берг». Зал в готическом стиле и правда напоминает декорации к фильмам про Гарри Поттера. Такие же высокие стрельчатые своды, ряды длинных столов и тёмные деревянные панели на стенах.

Но сейчас мне не до интерьера. Весь обед я распинаю мерзкую Монтгомери и её поганый язык. Выслушав мою гневную тираду, Стеф в сердцах восклицает:

— Какая же тварь!

Её громкий возглас привлекает внимание нескольких студентов за соседними столами, однако моей подруге на это совершенно плевать.

— Надо выяснить, в каком общежитии она живёт, и наведаться.

— Нет, Стеф. Я выжду и, если нападки продолжатся, пригрожу ей обращением в студенческий комитет. Уверена, это её остановит.

— И всё же…

— Пожалуйста, дай мне самой с этим разобраться.

Вздохнув, Стеф отступает.

Закончив обедать, мы договариваемся встретиться после занятий у бронзовой статуи Джона Гарварда и вместе навестить Эрни в зоогостинице.

К слову, о нем. Я решила взять питомца в Кембридж, хотя Филлис предлагала оставить его. Но я бы никогда не повесила на эту добрую женщину ещё и уход за собакой. Хватит с неё дедули, чьё настроение меняется чаще, чем ветер на заливе. Кроме того, близких мне людей можно пересчитать по пальцам одной руки. Пусть Эрни не человек, его искренняя любовь здорово меня поддерживает.

Когда я подхожу к условленному месту, Стеф нигде не видно. Пишу ей сообщение, и тут же приходит ответ:

«Извини, задерживаюсь. Познакомилась с двумя парнями… оба тянут на «Мишлен»!»

Прочитав это, не могу сдержать улыбки.

«Понятно. Не торопись, я сама выгуляю Эрни. Удачи с «Мишленами»!»

Оторвав глаза от телефона, замечаю невдалеке Хейза, и мое сердце принимается стучать чаще. В этот момент, он разговаривает с какой-то девушкой. По красивым губам скользит легкая улыбка. Но стоит нашим взглядам пересечься, как Хейз мгновенно мрачнеет. И смотрит так враждебно, что я поспешно отворачиваюсь. Больше не глядя в его сторону, стараюсь как можно скорее скрыться из виду.

Хейз.

— Что с тобой? — спрашивает Аманда, явно недоумевая, почему я вдруг меняюсь в лице.

Проследив за моим взглядом, она оглядывает толпу. И вскоре ей удается вычислить источник моего раздражения. Некоторое время коллега разглядывает голубоглазый кошмар, свалившийся на мою голову, затем замечает:

— Ничего себе… От уровня напряжения у меня, кажется, наэлектризовались волосы. Кто эта девушка?

— Никто. Просто знакомая из Нью-Йорка, — цежу я и заставляю себя вернуться к разговору. — Тебе тоже пришло сообщение от Фримена насчёт нового дела?

— Да, сгораю от нетерпения узнать подробности.

Аманда Джонс учится со мной на одном курсе и тоже получила должность младшего ассистента у Фримена. Невероятно умная, хваткая и целеустремлённая — иначе бы не попала к профессору.

Мы делимся догадками насчет интригующего сообщения от босса, однако нас вновь прерывают. Мимо проходит Бри с самой идиотской улыбкой и жестом показывает, чтобы я ей позвонил.

А вот и вторая скверная новость – она тоже будет учиться здесь. Неделю назад Монтгомери огорошила меня известием о поступлении, и с тех пор ей не терпится поболтать, чтобы выведать всё о преподавателях.

— Ещё одна знакомая из Нью-Йорка? — иронично уточняет Аманда. — Ты решил собрать всех поклонниц? Может, им организовать клуб твоего имени?

— Очень смешно. Особенно учитывая, что эти двое на дух не переносят друг друга.

— Интересно почему? — продолжает иронизировать Аманда. — Видимо, что-то не поделили.

— Давай не будем опускаться до домыслов и сплетен. Ты же будущий адвокат.

— Предлагаешь собрать факты?

— Предлагаю закрыть тему и вспомнить о праве на личную жизнь.

Этот словесный щелчок по носу заставляет собеседницу поморщиться и отступить.

— Ладно, Казанова. Увидимся завтра в офисе.

— До завтра.

Вскоре я возвращаюсь домой и с порога догадываюсь: сегодня за ужин отвечает Шейн. По гостиной плывёт насыщенный аромат мяса и пряностей. Приятель обожает индийскую кухню и в свои дежурства неизменно радует нас кулинарными изысками. Правда, каждый раз вносит в рецепты собственные коррективы. Поскольку следовать правилам, по мнению Шейна, крайне скучно.

Сегодня мы ужинаем тушёным цыплёнком с отварным рисом. Мясо приправлено имбирём, чесноком, перцем чили и ещё бог знает какими огненными специями. К слову, вышло очень недурно.

— Мы видели сегодня Шелби, — зачем-то сообщает шеф-повар. — И заметили с ней темноволосую подружку. Ну такую, смуглую, с чёрными глазищами и впечатляющими буферами.

Услышав это, я оторопело замираю. Господи, не может быть! Судя по описанию, он говорит о Стеф. И она здесь?! Интересно, каких ещё сюрпризов ждать в этом году? Может, Марко нагрянет? Или Кимберли Тернер притаилась в рядах первокурсниц? Пожалуй, я уже ничему не удивлюсь.

Запив жгучую досаду глотком пива, выжидательно смотрю на Шейна. Уверен, замечание насчёт «буферов» неслучайно.

Как в воду глядел!

— Короче, мы познакомились, и она оказалась супер!

— Да, — кивает Майлз. — Обалденная.

— Вот что я вам скажу, приятели. Стефания Амбелас не по вашу честь, так что подотрите слюни.

— Это ещё почему? — возмущается Шейн.

— Она дочка греческого магната. Погугли — сразу всё поймёшь.

— Мы вроде тоже не босяки, — замечает Майлз.

— Дело не только в деньгах. Стеф привыкла получать всё, что захочет. Не уверен, что вам понравится играть по её правилам.

После моего замечания Майлз задумчиво умолкает. А вот его брат, похоже, сдаваться не собирается.

— Это не повод списывать меня со счетов. Держу пари, ей надоели прилипалы и охотники за деньгами. А я — открытая душа.

— Поступай как знаешь. Моё дело — предупредить.

— У меня отличная идея! — оживляется Шейн. — Одолжи мне на вечер тачку. Только представь: я прикатываю к общаге на сверкающем «Астон Мартине», Амбелас от восторга падает в мои объятия, и мы вместе мчим в закат.

Ну вот опять. Бредовые фантазии насчёт моего авто никак его не отпускают, уже перейдя в разряд навязчивых мыслей. Хлопнув Шейна по плечу, я на полном серьёзе говорю:

— Пусть проникнется твоей открытой душой, бро, а не сверкающей тачкой.

Подкрепив слова ухмылкой, я хватаю со стола тарелку и ставлю её в раковину.

После чего иду к себе, переваривать адски острый ужин за чтением. Но, прежде чем взяться за книгу, прокручиваю в голове последние события и понимаю, что скучаю по третьему курсу. Как же спокойно жилось без всех этих «приветов» из Нью-Йорка.

Шелби.

Забежав в общежитие, я переодеваюсь в повседневную одежду и снова спешу на улицу, предвкушая встречу с Эрни. Зоогостиница расположена недалеко от кампуса, и мне требуется каких-то десять минут, чтобы добраться до неё.

Меня встречает Оливия, служащая гостиницы, и проводит к боксу Эрни. Он лежит на своей уютной лежанке, а рядом любимые игрушки. Но едва завидев меня, пёс вскакивает и разражается радостным лаем. Если бы у меня был хвост, он бы сейчас вот так же метался из стороны в сторону, словно взбесившийся маятник.

После бурных обнимашек я пристёгиваю поводок к ошейнику и веду Эрни в ближайший парк.

Надо отметить, выглядит мой мохнатый друг отлично. Похоже, о нём действительно заботятся. Признаться, пристраивая его сюда, я с ума сходила от беспокойства: вдруг ему будет плохо? И, несмотря на все заверения владельца гостиницы, первую неделю как одержимая следила за Эрни через камеру, установленную в его боксе. Вовремя ли его кормят, как часто забирают на прогулку и достаточно ли хорошо к нему относятся. Но ни разу не заметила ничего настораживающего. Более того, пару раз в день к нему заходил кто-нибудь из работников, чтобы потискать и немного поиграть.

Самое любимое занятие Эрни — откапывать палки из песка. Но поскольку в парке песка нет, я достаю из кармана мяч. Весь следующий час он неутомимо носится за ним, вывалив из пасти розовый язык. И выглядит при этом самым счастливым псом на свете.

А когда мы возвращаемся с прогулки, настроение Эрни мгновенно меняется. Хвост и уши понуро опускаются, от былой радости не остаётся и следа. Он смотрит на меня с такой тоской и отчаянием, словно умоляет забрать его с собой насовсем.

Я подвожу его к боксу и опускаюсь на колени. Готова поспорить, в его глазах дрожат слёзы. Я и сама вот-вот расплачусь, поэтому крепко обнимаю его. Пальцы зарываются в шелковистую шерсть. Даже не знаю, кого сейчас больше хочу успокоить — его или себя.

— Мы скоро увидимся, обещаю, — шепчу я. — Не грусти, приятель.

Прижимаюсь щекой к несчастной мордахе, ощущая горячее дыхание на коже.

— Смотри, это твоя комната. — Я включаю экран телефона и открываю приложение с круглосуточной трансляцией из бокса Эрни. — Я постоянно приглядываю за тобой.

Конечно же, Эрни не смотрит на экран. Тычется мокрым носом мне в щёку и тихонько поскуливает.

— Знаю, малыш. Мне тоже тебя очень не хватает. Но мы ведь справимся, верно?

— Как же он вас любит. — раздаётся за спиной голос Оливии.

— И это абсолютно взаимно.

Она улыбается и присаживается рядом. Эрни на секунду поворачивает к ней морду, но тут же снова льнет ко мне.

— Ну да, — вздыхает Оливия. — Кто я такая, когда мама приехала?

Я невольно улыбаюсь, хотя в горле по-прежнему стоит ком.

— Он сильно скучает, когда я ухожу?

— Первое время стоит у дверцы, прислушивается, — с легким вздохом признается женщина. — Потом успокаивается. Сегодня, например, полдня возился с игрушкой. Загонит под лежанку и лает, чтобы помогли достать.

— Да, он умеет быть настойчивым.

— Мы уже поняли, — смеётся она.

Я провожу ладонью между его ушами.

— Каждый раз уходя, кажется, будто я его бросаю.

Улыбка собеседницы становится мягче.

— Но вы же возвращаетесь.

Я киваю и ещё раз прижимаюсь к Эрни.

— Не волнуйтесь, он в надёжных руках, — заверяет она. — Мы здесь все в него влюбились в первый же день.

И я ей верю. В мою собаку невозможно не влюбиться: более сообразительного и дружелюбного пса нужно ещё поискать.

— Спасибо, Оливия. Я очень ценю вашу заботу.

Она берёт поводок из моих рук и заводит Эрни в бокс. Здесь таких много: отдельные отсеки, с трёх сторон огороженные пластиковыми перегородками, с решётчатыми дверцами. В каждом обитает чей-то питомец. Мне кажется, все они так же тоскуют по своим хозяевам и мечтают вернуться домой.

Бросив на Эрни последний взгляд, я спешу прочь: ещё минута — и точно расплачусь. Сердце разрывается от жалости. Возможно, со временем мы оба привыкнем, а пока каждое прощание даётся нам очень тяжело.

По дороге в общежитие на телефон приходит уведомление о приближающемся платеже по кредиту. И все недавние переживания об Эрни меркнут на фоне необходимости срочно найти работу.

На этот счёт у меня есть кое-какие планы. Моя бывшая начальница Джулиана, узнав о предстоящем переезде в Кембридж, обещала замолвить за меня словечко перед своим знакомым Йеном Прескоттом. Он владеет рестораном в центре Бостона и, возможно, сможет предложить мне работу.

К слову, в должности хостес я пробыла чуть больше месяца, после чего меня перевели в официантки. Благодаря чаевым к концу лета удалось скопить приличную сумму — её хватит на ближайшие три платежа по кредиту. Но я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда деньги закончатся. С тех пор как отец кинул меня, уровень моей тревожности держится на отметке «паника и ужас». Большую часть времени меня одолевают навязчивые мысли о деньгах. А точнее — о том, где их достать.

И я очень надеюсь, что рекомендации Джулианы помогут мне устроиться на работу в самое ближайшее время.

Уже в комнате решаюсь набрать мистера Прескотта. На мою удачу, Джулиана успела связаться с ним и рассказать обо мне. Так что он без раздумий соглашается встретиться завтра в пять вечера.

Хейз.

На следующий день после занятий я еду в офис. Юридическая фирма «Гастингс &Фримен» занимает половину десятого этажа бизнес-центра в самом сердце Бостона. Отсюда открывается потрясающий вид, который… я видел лишь мельком. Поскольку жалюзи на окнах постоянно закрыты, чтобы сотрудники ни в коем случае не отвлекались от работы. Исключение — переговорная, где проводятся встречи с клиентами. Кажется, я не упоминал, что мистер Фримен — тот ещё тиран. Как в универе, так и в офисе.

Однако стоит отметить: кухня здесь выше всяких похвал. Оборудована по последнему слову техники, а кофейный аппарат готовит невероятно вкусные напитки. Хотя, думаю, это тоже тонкий расчёт — чтобы сотрудники не слонялись по окрестным кофейням.

Я вхожу в офис почти одновременно с Амандой. Следуя заведённому порядку, мы сворачиваем к кофейному аппарату. Она на секунду опережает меня, успевая нажать кнопку «Латте». Дождавшись, когда она заберёт свой напиток, я выбираю привычный двойной эспрессо. Стаканчик ещё не успевает наполниться, как перед нами возникает босс.

Невольно смотрю на его густую серебристую шевелюру — волосок к волоску. Думаю, он чем-то укладывает волосы: они так бликуют в свете офисных ламп, что напоминают новогодний шар. Странный, конечно, закидон, но профессор — человек старой закалки. На это и спишем.

Он с ходу вручает нам чёрные папки:

— Новое дело. Наша клиентка — Дженна Лэнгли. Готовим гражданский иск о возмещении вреда. Расследованием нападения занимается полиция.

Фримен окидывает нас серьёзным взглядом и продолжает:

— В папках материалы, которые предоставила сама Дженна. Изучите, составьте хронологию и список вопросов. Отдельно отметьте, каких документов нам не хватает. Как закончите, обсудим.

— Сегодня? — уточняет Аманда.

— Желательно до того, как я выйду на пенсию.

Он произносит это с таким невозмутимым лицом, что я едва сдерживаю улыбку.

— И ещё. Дело может привлечь внимание прессы. Всё, что вы сейчас прочтёте и увидите, остаётся в этих стенах.

Такое начало мгновенно переводит меня в режим полной боевой готовности. Вот и Аманда вцепляется в папку бульдожьей хваткой и рвёт когти к своему рабочему столу.

Подхватив кофе, я следую за ней по пятам и устраиваюсь за соседним столом.

Стоит погрузиться в материалы, как у меня начинают шевелиться волосы на затылке. Приложенные снимки напоминают кадры из хоррора. На руках и ногах молодой женщины — глубокие порезы. Следом идут медицинские документы, фотографии окровавленной одежды и сделанные ею скриншоты переписки.

Аудиозапись беседы Фримена с клиенткой тоже есть. Я вставляю флешку в лэптоп и надеваю наушники. Из динамика доносится сбивчивый голос Дженны. Она подробно рассказывает, как любовник пришёл к ней домой, набросился с ножом, а потом оставил истекать кровью. К счастью, после его ухода она сумела вызвать помощь.

По мере беседы Дженна несколько раз замолкает, пытаясь справиться с эмоциями. Но, когда речь заходит о нападавшем, в её голосе нет ни тени сомнения. Она называет Альберта Барнса.

И это становится настоящим шоком. Поскольку речь идёт о весьма известном бостонском бизнесмене, примерном семьянине и добропорядочном гражданине. По крайней мере, именно таким он предстаёт в первых же результатах поиска. Быстро пробегаюсь глазами по статье о нем и невольно присвистываю.

Интрижка на стороне — сама по себе удар по репутации, а с учётом того, что рассказала Дженна, дело принимает куда более серьёзный оборот. Фримен собирается добиваться материального возмещения причинённого ей вреда. Но я очень надеюсь, что одними деньгами Барнсу не отделаться.

Закончив, снимаю наушники и смотрю на Аманду. Она сидит неподвижно, сжимая ручку так, что та, кажется, вот-вот переломится.

— Он должен за это ответить, — глухо произносит она.

— Согласен.

Несколько секунд мы молчим. Затем Аманда придвигает к себе блокнот.

— Давай по порядку. Что у нас есть?

Мы составляем хронологию по рассказу Дженны, отмечаем дату и время нападения, вызова помощи и госпитализации. Отдельно выписываем упомянутые ею сообщения, звонки. А также фиксируем один неприятный, но ключевой момент – отсутствие доказательств, что в тот вечер Барнс находился в квартире мисс Лэнгли.

Пока вопросов получается больше, чем ответов.

Зайдя в кабинет босса, мы раскладываем перед ним свои записи. Он некоторое время изучает их, затем поднимает глаза.

— Неплохо. Но здесь, — его палец указывает на один из пунктов, — вы написали «получить записи с камер наблюдения для установления личности нападавшего». Это задача полиции. Нам нужно понимать, что достоверно известно следствию, и чем мы можем руководствоваться, отстаивая требования нашей клиентки. Не пытайтесь играть в детективов.

Аманда быстро кивает. Я зачёркиваю пункт.

— Я связался с детективом Лопезом, который ведёт расследование, — продолжает Фримен. — Он готов встретиться. Поедете, уточните статус дела и порядок дальнейшей связи. Дженна не должна сама звонить в отделение каждый раз, когда хочет узнать новости.

— Нам дадут посмотреть записи с камер? — аккуратно уточняю я.

— Если детектив сочтёт возможным. Не требуйте доступа к материалам и ничего не обещайте от имени фирмы. После встречи подготовите отчёт. Все дальнейшие запросы — через меня.

Он возвращает нам листы.

— И запомните: никаких домыслов, предположений, только доказанные факты.

Мы с Амандой переглядываемся.

Кажется, наш план действий только что стал значительно скромнее. Но, если честно, это ничуть не уменьшает моего волнения. До сего момента, я в основном разбирал документы,

искал нужную информацию и выполнял мелкие поручения. А теперь за всем этим стоит конкретный человек, которому нужна помощь.

Выйдя на улицу, я на секунду останавливаюсь. Внимание приковывает девушка на противоположной стороне улицы. Она выглядит точь-в-точь, как Шелби. Те же светлые волосы, невысокая, стройная, даже профиль похож. Обгоняя прохожих, она спешит к пешеходному переходу и срывается на бег, чтобы успеть перейти дорогу до красного сигнала светофора.

— Что с тобой? Снова увидел кого-то знакомого? — Голос Аманды возвращает меня в реальность.

— Нет, показалось.

Теперь, когда девушка скрылась из вида, я уже ни в чём не уверен. Наверное, всему виной постоянное напряжение, в котором я пребываю с тех пор, как столкнулся с Шелби. Зная, что теперь она поблизости, я в любую минуту готов к неприятной встрече.

Так и до паранойи недалеко!

Тем временем Аманда тянет меня за рукав к машине. Приходится отбросить глупые мысли и сосредоточиться на насущном.

Шелби.

Я стою перед высокими стеклянными дверями, над которыми красуется изящная серебристая вывеска «Роял Хаус». Сделав глубокий вдох, тяну дверь на себя и вхожу. И тут же застываю в нерешительности.

Интерьер выглядит слишком роскошно: повсюду хромированный металл и стекло, на полу — тёмный мрамор, из динамиков льётся приглушённая музыка. Ресторан, вне сомнений, из тех, куда бизнесмены приглашают партнёров отпраздновать удачное заключение сделки. И ничем не напоминает моё предыдущее место работы. В «Каллисто» всё было гораздо проще, душевнее и менее претенциозным.

Тут мой взгляд падает на ярко-красную табличку, занимающую почётное место на стене, и становится совсем уж не по себе. Подойдя ближе, я гипнотизирую награду, чувствуя, как внутри поднимается волна паники.

Оказывается, в прошлом году ресторан получил мишленовскую звезду!

Ничего себе!

Но одновременно я воспринимаю это как вызов и добрый знак. Пока один «Мишлен» (Хейз, по версии Стеф) остаётся для меня недосягаемым, попробую отвоевать местечко в ресторане с настоящей звездой!

Вскоре меня замечает девушка и спешит навстречу с приветливой улыбкой.

— Добрый день! Чем я могу вам помочь?

— Здравствуйте. Я ищу мистера Прескотта. У меня назначено с ним собеседование.

— А-а, — разочарованно тянет незнакомка.

Вместе с тоном меняется и выражение её лица. Она окидывает меня скептическим взглядом и едва заметно морщится. Это заставляет нервничать ещё больше и усомниться в выборе одежды. На мне джинсы и белое худи — обычный студенческий наряд. Но, вероятно, не самый подходящий для собеседования в таком ресторане.

Приходится напомнить себе: передо мной всего лишь наглая и не слишком дружелюбная девица. Не она принимает здесь решения.

Незнакомка удаляется, и минут через пять в фойе появляется худощавый мужчина лет тридцати пяти — сорока в сером костюме. Цепкий взгляд карих глаз, довольно резкие черты лица и ни единого волоска на гладкой и блестящей, как яйцо, голове. Его внешность можно было охарактеризовать, как суровую и не слишком располагающую.

— Ты, должно быть, Шелби?

От его спокойного, вкрадчивого голоса по спине ползут мурашки, но я тут же беру себя в руки и расплываюсь в милой улыбке. Нельзя показывать, что вид властных, самоуверенных мужчин до сих пор вызывает во мне дрожь.

— Всё верно, мистер Прескотт. Рада знакомству.

Мы пожимаем друг другу руки, после чего он жестом предлагает следовать за ним и ведёт через ресторан. Краем глаза замечаю шикарный рояль, отделённый от зала завесой сверкающих хрустальных бус, спускающихся с потолка до самого пола. Пальцы аж подрагивают — так хочется прикоснуться к клавишам. Уверена, звук у такого инструмента просто изумительный!

Тем временем мы заходим в кабинет. Совсем крошечный: стол и два кресла, в которых мы и располагаемся.

— Итак, Шелби, видимо, ты действительно хороша. — Откинувшись на спинку, мистер Прескотт закидывает ногу на ногу и с интересом разглядывает меня. — Джулиана пропела тебе целую хвалебную оду, а ей я доверяю.

— Приятно это слышать. Я действительно очень серьёзно отношусь к работе. И готова брать дополнительные смены.

Брови мужчины на секунду взмывают вверх, а губы трогает одобрительная улыбка. Видимо, мои слова пришлись ему по душе.

— Расскажи о себе. Чем занимаешься, где живёшь… И почему я должен отдать это место тебе?

Ага, а вот и тяжёлая артиллерия подоспела. Под его пристальным взглядом я начинаю ёрзать в кресле. И понимаю: с таким человеком самая верная стратегия — максимальная честность.

— Эм… Буду с вами предельно откровенна. Я учусь на первом курсе Гарварда. Ради этого мне пришлось взять частный кредит. Рассчитывать на финансовую помощь родных я не могу, поэтому ответственность за выплату полностью лежит на моих плечах. Как видите, пропускать смены или плохо выполнять свои обязанности совершенно не в моих интересах. Мне действительно очень нужна эта работа.

— Понимаешь, в чём проблема, — с невозмутимым видом откликается мистер Прескотт. — «Роял Хаус» придерживается высоких стандартов во всём, в том числе в обслуживании. Ты наверняка заметила мишленовскую звезду?

Получив от меня кивок, он продолжает:

— А судя по резюме, у тебя всего три месяца опыта. И, несмотря на рекомендации Джулианы, я не уверен, что ты справишься.

Подавать еду, быть любезной, улыбаться — что ещё требуется от официантки? Мы же здесь не органы будем пересаживать! Изо всех сил скрывая досаду, я снова расплываюсь в улыбке.

— Понимаю ваши опасения, мистер Прескотт. Вы можете установить для меня испытательный срок, а по его окончании сделать выводы.

Собеседник не торопится отвечать. Смотрит в потолок с таким спокойно-сосредоточенным выражением, словно разгадывает кроссворд.

— Ещё и студентка, — бормочет он. — Наверняка у тебя есть ограничения по графику. Верно?

— Да. В будние дни я могу работать с трёх, зато по выходным — без ограничений.

Кажется, проходит вечность, прежде чем он вновь заговаривает:

— Ладно. Джулиана редко за кого-то так просит. Поступим следующим образом: начнёшь под присмотром старшего официанта, а если справишься, обсудим постоянный график.

— Спасибо, мистер Прескотт!

Меня переполняет радость. Не знаю, почему он принял такое решение, да это и неважно. Главное — теперь у меня есть работа!

На секунду на его равнодушном лице мелькает снисходительная улыбка.

— Фиксированная ставка — восемнадцать долларов в час плюс твоя доля общих чаевых, двадцать — в выходные. Проявишь себя как следует — поставлю в смену в субботу и воскресенье. Да, чуть не забыл. Форма: белая блузка и классические чёрные брюки. В понедельник приходи в своих, а дальше подберём тебе комплект из наших запасов.

— Конечно.

Он поднимается, давая понять, что встреча подошла к концу. Я подскакиваю следом.

— Жду в понедельник к трём. Не опаздывай.

— Ни в коем случае! Ещё раз спасибо. До встречи!

Не помня себя от радости, я выхожу на улицу и счастливо выдыхаю. Те самые незримые, но вполне ощутимые крылышки вновь трепещут за спиной. Пока робко, не в полную силу, но я определённо их чувствую.

Так было, когда Хейз впервые пригласил меня на свидание. Когда я освободилась от власти деспотичного отца. Когда пришло извещение из Гарварда.

Так происходит и сейчас.

Многие говорят о вкусе победы, а у меня вот за спиной расправляются крылья. И это самое обалденное ощущение, которое я когда-либо испытывала!

Обратно к станции метро я не иду, а буквально лечу. Не в силах справиться с переполняющими эмоциями, пишу сообщение Хейзу. Как и прежде, он — первый, с кем хочется поделиться новостью:

«Хейз, я получила работу! Даже не представляешь, как я горжусь собой. Теперь у меня будут деньги на платежи по кредиту и на гостинищу для Эрни. Раньше я не понимала, почему люди горько усмехаются при словах „деньги не главное“. Очень даже главное!

Вот тебе еще один инсайт: в каком-то смысле я даже рада, что отец бросил меня. Не случись этого, так бы и оставалась инфантильной девчонкой, иждивенкой, наивной и слабой. Только сейчас, один на один со своими проблемами, преодолевая трудности, я чувствую, что становлюсь сильной».

Отправив сообщение, звоню Стеф, подключаю к разговору Кимберли и сообщаю подругам о трудоустройстве. Они не знали о моих планах, поэтому реагируют настороженно.

— Три смены в неделю? — в замешательстве переспрашивает Ким. — Шелби, а учёба?

— Как ты планируешь все совмещать? — в унисон ей сомневается Стеф. — Не боишься выгореть? А еще нужно навещать Эрни…

— Справлюсь. Пока не знаю как, но обязательно справлюсь!

Ничто не способно омрачить моего прекрасного настроения: ни их опасения, ни даже осознание того, что впереди нелёгкие времена.

Внутри крепнет решимость преодолеть все трудности и отвоевать своё место под солнцем!

Хейз.

Через тридцать минут мы входим в отделение полиции. Обстановочка здесь интригующая: в двух шагах стоит какой-то бродяга и орет благим, женщина на скамье вытирает слёзы бумажным платком, а по коридору ведут парня в наручниках. М-да, в такое место точно не хочется возвращаться. Однако интуиция подсказывает: нам придётся это сделать. И не раз.

Мы называем свои имена дежурному и объясняем, что у нас назначена встреча с детективом Лопезом. Некоторое время ждём, пока к нам не выходит молодой, крепко сложенный мужчина.

— Вы от Фримена?

— Да. — киваю я, — Хейз Кингсли. Это Аманда Джонс. У нас есть вопросы по делу Дженны Лэнгли.

— У меня их тоже полно, — мрачно откликается детектив и кивком головы призывает следовать за ним.

Он приводит нас в небольшую комнату для встреч и прикрывает дверь. Мы с Амандой открываем блокноты и оба невольно замираем, не совсем понимая с чего начать.

— Ваш руководитель сказал, вы помогаете готовить гражданский иск, — видимо, заметив наше замешательство, подсказывает Лопез. — Сразу предупреждаю: о ходе расследования рассказать не могу. Но на некоторые вопросы отвечу.

— Конечно, — подает голос Аманда. — Мы хотели уточнить, есть ли новости, которые можно передать Дженне.

— Мы проверяем показания Барнса и людей, с которыми, по его словам, он провёл вечер.

— Он отрицает, что приходил к ней? — спрашиваю я.

— Да. Утверждает, что был в частном яхт-клубе. Есть свидетели, подтверждающие его присутствие там.

Аманда закусывает губу. Видно, ее так и разрывает от желания задать уточняющие вопросы. Самому хочется спросить, насколько влиятельны свидетели Барнса и не слишком ли все гладко складывается с его алиби. Но вспоминаю слова Фримена и вместо этого смотрю в наш список. Взгляд падает на спорный пункт, и я все же решаю рискнуть:

— А камеры в доме Дженны? Она говорила, что они есть.

Лопез ненадолго задумывается, затем кивает.

— Записи изъяты. На них видно, как в дом входит мужчина в толстовке и спортивных штанах. Примерно в девять вечера. Около десяти он уходит. Лицо скрыто капюшоном, уверенно опознать его по этим кадрам нельзя.

— Но сама Дженна его узнала, — замечает Аманда.

— Да. И её показания — важная часть дела. Сейчас мы проверяем остальные обстоятельства, в том числе версию Барнса.

Я отмечаю в блокноте время и подчёркиваю его.

— Он приехал на машине?

— *Мужчина на записи* приехал на такси. Водителя нашли, но тот лица пассажира не запомнил.

— То есть связать его с Барнсом пока не удалось? — не отступаю я.

— По этой записи — нет.

Мы обмениваемся с Амандой удрученными взглядами. Мягко говоря, не густо. Ответы Лопеза не опровергают слова Дженны. Но и не подтверждают причастность Барнса к нападению, на которую мы оба втайне надеялись. Похоже, никаких доказательств у полиции пока нет.

— Хорошо. — вздыхает Аманда. — Если Барнс попытается выйти на связь, что надлежит делать Дженне?

— Сохранять все сообщения, голосовую почту, сведения о звонках. И пусть сразу сообщает нам о попытках связаться с ней, особенно если почувствует угрозу.

Я отмечаю это отдельным пунктом.

Остальная часть разговора занимает всего несколько минут. На вопросы о дальнейших действиях полиции детектив отвечает уклончиво. Впрочем, нас об этом предупредили.

— Спасибо, что уделили нам время, — говорит коллега, закрывая блокнот.

Собеседник встает и на прощание кидает:

— Передавайте привет Фримену.

Сев в машину, я не сразу завожу двигатель. Некоторое время обдумываю услышанное. Мне хочется верить, что свидетели Барнса лгут. И если хорошенько надавить, кто-нибудь из них развалит его алиби.

Но хотеть и знать — разные вещи.

— Что скажешь? — спрашивает Аманда.

Повернув голову, обнаруживаю, что она пристально изучает мое лицо.

— Скажу, что основной камень преткновения – алиби Барнса. Прижать бы, так называемых, свидетелей и напомнить об ответственности за дачу ложных показаний.

— Согласна. Но едва ли Фримен оценит такой пункт в отчете.

Я невесело усмехаюсь.

— Знаешь, что бесит? — Коллега сокрушенно качает головой. — Дженна лежит в больнице, а Барнс свободно разгуливает, продолжает потягивать скотч в своем яхт-клубе. И наверняка уверен, что ему всё сойдёт с рук.

Я слишком хорошо понимаю, о чём она. Деньги, влиятельные друзья, власть — всё это легко принять за гарантию собственной неуязвимости.

В этот момент я думаю о «всесильном» Николасе Эллингтоне, который возомнил себя кукловодом, но стоило налоговой службе прижать его, мигом продал бизнес, отдал свои миллионы государству и покинул страну, поджав хвост. Одним словом, сделал все, чтобы избежать тюрьмы. Вот она великая сила закона! Даже потенциальная угроза оказаться за решеткой разом усмиряет амбиции, а раздутое самомнение разбивает вдребезги.

И это еще больше укрепляет во мне желание проявить себя в деле Лэнгли.

Может, беседы с неразговорчивыми детективами и отчеты — не самая захватывающая часть работы. Но это та часть, которую мне доверили.

И я собираюсь сделать её как следует.

Глава 4.

Хейз.

Вот уже несколько дней я игнорирую звонки Бри, ограничиваясь сообщениями в мессенджере. Она по-прежнему настаивает на встрече, а я по-прежнему ссылаюсь на чудовищную нагрузку. И это недалеко от правды. Материалы по делу Лэнгли множатся быстрее, чем опавшая листва под деревьями, которые вдруг вспомнили, что вообще-то на дворе осень и пора срочно расчехляться.

Все задания Фримена мы выполняем вместе с Амандой. И, кажется, впервые действуем заодно — как союзники, а не конкуренты. Собираем документы по поручению босса, приводим в порядок материалы, вместе отчитываемся о проделанной работе. Штудируем судебные решения по схожим делам, выписываем то, что может пригодиться, а после устраиваем мозговые штурмы. Никогда бы не подумал, что мы с ней поладим.

Здесь, полагаю, нужно сказать пару слов об Аманде Джонс. В моём представлении она на двадцать процентов привлекательная девушка и на восемьдесят — самоуверенная стерва. У нее прямые светлые волосы, глаза орехового цвета и миловидные черты лица, глянув на которые, никогда не подумаешь, что они могут принадлежать особе со столь напористым характером и жаждой быть первой во всем.

Поначалу мы вели себя не лучше детей в песочнице, стремящихся заграбастать все игрушки и внимание. Постоянные словесные шпильки, одержимое желание во что бы то ни стало засветиться перед боссом. Одно время казалось, нашему соперничеству не будет конца и края.

Однако сейчас всё изменилось. То ли дело Лэнгли настолько поразило нас своей жестокостью, что заставило объединить усилия. Или так сработала тонкая политика Фримена. Ведь помимо того, что он строгий босс, он ещё и великолепный стратег, точно знающий, как заставить подчинённых выкладываться на полную.

Короче, как бы то ни было, мы с головой ушли в работу. Довольно быстро выяснилось, что оговоренных ранее трёх дней в неделю недостаточно, чтобы справляться с возросшей нагрузкой. Поэтому пришлось дополнить график работы дополнительными часами. И всю последнюю неделю мы уходили из офиса последними.

Так и сегодня: на часах десять, вечер пятницы, вокруг ни души. Лишь батарея пустых стаканчиков из-под кофе на наших столах. То и дело замечаю, как Джонс зевает и трёт воспалённые глаза.

Поймав мой взгляд, она наконец признаётся:

— Не знаю, как ты, а я уже в третий раз перечитываю один и тот же абзац и ни черта не понимаю.

В подтверждение своих слов она с громким хлопком закрывает книгу.

— Как насчёт пропустить по стаканчику?

— Я за рулём, — напоминаю я. — Но с радостью встречусь с тобой завтра в баре неподалёку от кампуса. Кстати, ты по-прежнему живёшь в общаге?

— Ага. — Она снова зевает. — Пока не вижу смысла что-то менять. Удобно, привыкла, до библиотек рукой подать.

— Засчитано, — ухмыляюсь я. — И да, ты права. Пора по домам. Тебя подбросить?

— Было бы здорово!

В дороге договариваемся о завтрашней встрече. Высаживаю Аманду недалеко от Уинтроп-Хауса — одного из «речных домов», где живут студенты со второго курса. Она выходит из машины и напоследок одаривает меня усталой улыбкой.

— Спасибо, что довёз. До завтра!

— Не за что. Пока!

Я чувствую такую смертельную усталость, что оставшийся путь кажется бесконечным.

Душ. Быстрый ужин. Спать.

Всего три желания на сегодня. Но не уверен, что сил хватит даже на это.

Подъехав к дому, сразу замечаю: все окна плотно задёрнуты шторами, однако сквозь щели то и дело пробиваются разноцветные блики. Всё это кажется подозрительным. Выхожу из машины и медленно иду к крыльцу, прислушиваясь. Изнутри доносится музыка, но не настолько громкая, чтобы вызвать негодование соседей.

Хм… неужели парни снова подключили свою дурацкую подсветку и устроили киносеанс?

Но стоит открыть входную дверь, как я застываю, недоумённо разглядывая пёструю толпу в гостиной. На секунду даже задумываюсь: а не ошибся ли адресом? Делаю шаг назад и окидываю ошалелым взглядом фасад.

Вроде дом тот. Но кто все эти люди?

Навстречу спешит Майлз, улыбаясь во все тридцать три зуба. Или сколько их там у него.

— Ты как раз вовремя, бро! Вечеринка только-только набирает обороты.

И тут до меня доходит.

Гавайская пати с кокосиками!

О нет, только не это!

Взгляд скользит по надувной пальме, обвитой сверкающей гирляндой, по раскрасневшимся лицам и извивающимся телам. С губ невольно срывается мучительный стон. Меньше всего на свете мне сейчас хочется веселиться.

Но друг не даёт опомниться: утягивает сквозь толпу на кухню и вручает наполненную до краёв стопку. Вторую подхватывает сам и командует:

— Соль. Текила. Лайм. Погнали!

Шелби.

Первая учебная неделя позади. Фух-х-х!

Этим пятничным вечером мы договариваемся с подругами встретиться и обменяться впечатлениями. А поскольку численный перевес на стороне гарвардцев — то есть меня и Стеф, выбор падает на бар неподалёку от нашего кампуса.

Услышав адрес, прагматичная до мозга костей Ким не преминула заметить, что следующая встреча должна состояться на её территории. Так, мол, будет по-честному.

Я не планировала наряжаться, но Стефания настояла на ультракоротком чёрном платье и замшевых сапогах на шпильках, подкрепив свой выбор словами:

— Чем хуже у девушки дела, тем лучше она должна выглядеть.

— С чего ты взяла, что мои дела плохи? — возмущаюсь я. — У меня как раз всё отлично!

— Это не мои слова, а Коко Шанель, — невозмутимо парирует подруга. — И потом, сейчас отлично, но посмотрим, как ты запоёшь спустя месяц адской учёбы и работы. Так что это твой последний беззаботный уикенд и шанс повеселиться. Вот и блистай!

Подруга, как обычно, попадает в точку. Поразмыслив, я решаю воспользоваться советом.

— И что бы я без тебя делала?

— В том-то и смысл: зачем без меня, если я рядом? — смеётся она, нанося на губы блеск.

Сама Стеф сегодня сделала акцент на своём шикарном декольте, скрыв ноги длинной шёлковой юбкой. Несмотря на сброшенные килограммы, подруга по-прежнему стесняется своих аппетитных бёдер. И совершенно напрасно. По моему скромному мнению, сейчас её тело в идеальной форме. И вообще, она — красотка!

Пока Стеф крутится перед зеркалом, я почти с завистью смотрю на её роскошную шевелюру. Блестящие чёрные волосы каскадом струятся ниже лопаток и выглядят как в рекламе шампуня. Мои же едва достают до плеч. Ситуацию спасает только идеально ровный срез, бла-

годаря которому стрижка выглядит аккуратно. Признаться, я очень скучаю по длинным локонам и жду не дождусь, когда они вновь отрастут.

На улице относительно тепло, однако по вечерам уже ощутимо веет осенней прохладой. Поэтому я накидываю поверх платья лёгкое пальто, а Стеф выбирает кожаную косуху. Бросив последний взгляд в зеркало, мы выходим из комнаты.

Улица встречает запахом прелой листвы, вечерней свежестью и толпами студентов. Словно сейчас не пятничный вечер, а разгар учебного дня.

За минувшую неделю мы выяснили, что жизнь в кампусе не замирает даже с наступлением ночи. Повсюду горят фонари, допоздна работают библиотеки, в общих гостиных кто-нибудь непременно сидит с книгой или ноутбуком. Всегда можно найти уютное местечко, чтобы позаниматься.

Здесь можно встретить студента с контрабасом и пюпитром прямо посреди Гарвард-Ярда. Или компьютерного гения в обнимку с лэптопом — возможно, в ближайшем будущем этот парень потрясёт мир новой идеей, как когда-то Марк Цукерберг. Или услышать, как компания студентов увлечённо обсуждает бактериофаги и новые способы лечения рака.

Меня восхищает атмосфера Гарварда. Здесь всё располагает к тому, чтобы стать лучше, умнее и воплотить даже самые смелые задумки, не боясь показаться смешной.

Продолжая с интересом поглядывать по сторонам, мы доходим до бара. Кимберли уже поджидает нас за столиком и, едва завидев, машет рукой. Но спустя мгновение её губы скептически кривятся.

— Зачем вы так вырядились? Забыли, мы сейчас не на званом нью-йоркском приёме, а в Кембридже — американской столице науки и образования? Здесь ценят интеллект, а не размер бюста.

При этом её взгляд красноречиво задерживается на декольте Стеф.

Амбелас легкомысленно фыркает:

— Между прочим, девяносто процентов мужчин оценивают женщин с точки зрения продолжения рода, а грудь в этом деле имеет первостепенное значение. Остальные десять процентов просто в другой лиге.

— Так ты ради этого поступила в Гарвард? Ради занимательных сексистских гипотез?

— Нет, дорогуша. Чтобы стать дипломированным психологом и зарабатывать сотни тысяч в год на таких вот одиноких интеллектуалках, которые в сорок лет недоумевают, почему их окружают лишь коты, а вечера приходится коротать за сериалами на «Нетфликсе».

Ну вот, началось! Ума не приложу, почему так происходит, но эти двое постоянно норовят подколоть друг друга.

Хотя кое-какие мысли на этот счёт всё же имеются. Наверное, дело в том, что Стеф и Ким — как Северный и Южный полюса. И жизненные установки у них диаметрально противоположные.

В отличие от Стеф, Ким наотрез отвергала идею замужества. Собственная мать-домохозяйка была для неё антипримером. Ким скорее хотела походить на отца — акулу криптовалютного рынка, помешанного на работе и карьере. Тогда как Стефания, с детства предоставленная самой себе, мечтала обрести в собственной семье всё, чего ей так не хватало: понимание, ласку, истинную близость.

Пока эти двое упражняются в остроумии, я спешу к барной стойке и, показав фальшивое удостоверение, прошу как можно быстрее приготовить три коктейля. Неважно каких, главное — покрепче! И вскоре возвращаюсь за столик с напитками.

— Девочки, за нас! — Вручаю каждой по бокалу и поднимаю свой. — Мы станем крутыми профессионалами своего дела, не сомневайтесь!

Легонько чокнувшись, мы отпиваем по глотку. Стеф одобрительно прицокивает, а Ким закашливается, вытаращив глаза:

— Что за адская смесь?

— Коктейль «Посвящение в студенты», — иронизирую я. — Итак, как прошла твоя первая неделя?

— МТИ — идеальное место для учёбы, — вмиг оживляется она. — Здесь есть аэродинамическая труба, ядерный реактор и суперсовременная лаборатория ИИ. Столько всего хочется попробовать! Если бы ещё в сутках было чуть больше времени и не приходилось прерываться на сон…

— Здорово! Похоже, все мы сделали верный выбор, — улыбаюсь я, желая поддержать Тернер.

Вот только Стефания снова влезает со своими неуместными комментариями:

— А что насчёт парней?

— Их тоже предостаточно. Это же технологический институт!

— Симпатичные есть?

— Понятия не имею. Приезжай в кампус, сама проверь.

Ким отмахивается и продолжает расписывать оснащение аудиторий, уникальный подход преподов и прочие достоинства своей альма-матер.

— Верно ли я понимаю, все четыре года ты планируешь провести в лабораториях? — невзначай интересуется Стеф.

Я пихаю её под столом, но подруга и бровью не ведёт, продолжая поддразнивать:

— Позволь заметить, ИИ, каким бы умным он ни был, на свидание не пригласит. И секса от него тоже не жди.

— Обязательно быть такой приземлённой? — не выдерживает Ким. — Ты словно сошла со страниц бульварного романа. На уме только парни и секс. Сиськастая кукла!

— От калькулятора слышу! — тут же парирует собеседница, ни капельки не обидевшись.

Ещё один занимательный факт о моих лучших подругах: Ким развлекалась тем, что складывала и умножала в уме трёхзначные числа, а Стеф с увлечённостью Фрейда изучала людей и их поведение. Парней — в особенности.

Но удивительно другое: будучи обе далеко не глупыми, они совершенно не стремились понять друг друга. Объединиться могли только ради меня. Именно поэтому решаю сообщить Ким одну «потрясающую» новость.

— Угадай, кто ещё поступил в Гарвард? Барабанная дробь… Бриана Монтгомери!

— М-да! Весь бестиарий в сборе. — Ким озадаченно хмурится. — Одного не пойму: как ей это удалось? Она же тупая и ленивая, как тюлень.

— Ты только что оскорбила тюленя.

По моему скромному мнению, эти милые животные ничем не заслужили столь уничижительного сравнения.

— А если серьёзно, понятия не имею. Может, вместо ресниц в кои-то веки сделала наращивание мозга?

Стеф внезапно притихает, отводит взгляд и негромко сообщает:

— Её отец состоит в попечительском совете университета. Мне папа сказал. А вообще, не будьте такими ханжами. Я бы тоже не прошла конкурс без папиного содействия.

Заметив наши изумлённые взгляды, она не на шутку злится:

— Не всем отмерено столько мозгов и упорства.

Причём на слове «мозгов» её взгляд устремляется на Ким, а мне достаётся упорство. Даже как-то обидно.

— То есть меня умной ты не считаешь? — уточняю я.

Стеф иронично изгибает бровь.

— Я говорю о том, что неважно как. Главное — каждая из нас учится там, где хотела.

— Ну тебя-то я люблю, а Бри терпеть не могу, — напоминаю я. — Ни секунды не сомневаюсь: мерзавка поступила в Гарвард из-за Хейза.

— Как и ты, — услужливо замечает Ким, за что ей прилетает по лбу скомканная салфетка.

— Кстати, ты так и не рассказала о вашей встрече, — подхватывает Стеф.

Вторая салфетка летит в неё, но засранка ловко уворачивается.

Подруги обмениваются заговорщицкими взглядами и переводят внимание на меня. Говорю же, перемирие между ними возможно.

С тяжёлым вздохом я описываю нашу с Хейзом… стычку. Назвать этот кошмар встречей язык не поворачивается. За время моего рассказа подруги успевают выдуть коктейли и делают знак бармену повторить.

— Мне было чётко сказано держаться подальше, — невесело подытоживаю я. — Так что сейчас мы на стадии «с глаз долой, из сердца вон».

— Послушай мужчину и сделай всё наоборот, — советует Фрейд в шёлковой юбке.

— Наверное, ты права. Именно так я и намереваюсь действовать.

— Это называется метод от противного, — умничает Ким. — Но, как бы то ни было, не теряй голову. Действуй поступательно.

Ближе к одиннадцати она объявляет, что завтра утром у неё очень важная встреча в математическом клубе, и прощается с нами.

Как только мы остаёмся вдвоём, Стефания залпом допивает коктейль и огорошивает:

— Предлагаю продолжить вечер на крутой вечеринке.

Я знаю её как облупленную и сразу распознаю надвигающиеся на наши задницы проблемы.

И это точно они!

С виду невинная, как детёныш панды, вот только её пятая точка так и норовит протереть дыру в стуле. Я мгновенно напрягаюсь:

— Что за вечеринка?

— О, ты будешь в восторге!

— С места не сдвинусь, пока не выясню, куда мы идём.

Скрещиваю руки на груди и смотрю на неё с самым непримиримым видом.

— Ладно, — сдаётся она, закатывая глаза. — На днях ко мне подвалили два обалденных парня. Я даже подумала, что у меня двоится в глазах или крыша поехала. Представь, они абсолютно одинаковые!

Я сразу понимаю, о ком речь.

— Близнецы Майлз и Шейн.

— В точку, Шерлок! — хихикает подруга.

Определённо двойная порция водки во втором коктейле была лишней. Разумеется, я гораздо трезвее Стеф, поэтому продолжаю сохранять серьёзность.

— Так вот, они пригласили меня на гавайскую вечеринку у них дома, — продолжает она. — Но при условии… что я приду одна. Из чего напрашивается вывод…

— Там будет Хейз.

— И опять вы на высоте, маэстро! — патетично восклицает она.

После чего встаёт, подхватывает косуху и силится попасть в рукав. Получается далеко не с первого раза.

— Ты ведь обещала не вмешиваться, — напоминаю я, — а сейчас буквально подталкиваешь ко встрече.

— Ничего подобного! Я просто иду на вечеринку с подругой.

— Хотя тебя попросили прийти одной.

—Детали, — отмахивается Стеф, но заметив, что я продолжаю сидеть на стуле, и явно не в восторге от ее затеи, напоминает: — Послушай мужчину и сделай наоборот. Так что вперёд, подруга! Станцуем им парное хула-хупа.

— Гавайский танец называется хула, — подсказываю я. — А хула-хуп — это гимнастический обруч.

— Отлично, с этим разобрались, — выдыхает Стеф, запыхавшись после сражения с курткой. — Самое время вызвать такси.

Всё ещё обуреваемая сомнениями, я поднимаюсь, но тут же хватаюсь за край стола.

Ох, кажется, я сильно погорячилась насчёт своей трезвости. Чёртовы коктейли! Вот так всегда: пока сидишь, всё в порядке, но стоит встать, как мир стремительно ускоряется, а ноги за ним не поспевают.

Поддерживая друг друга, мы покидаем бар и садимся в такси.

Пока едем, меня развозит ещё сильнее, и затея заявиться на вечеринку к Хейзу начинает казаться не такой уж плохой! Где-то на задворках сознания мелькает мысль, что я собиралась действовать совсем иначе. Спокойно. Осторожно. Но она теряется в облаке хмельного дурмана.

Поймав волну шального веселья, Стеф засыпает меня советами, из которых постепенно складывается программа-максимум на сегодняшний вечер:

Флиртовать. Провоцировать. Дерзить. Как можно чаще мелькать перед глазами. Напомнить, какая я классная, красивая и вообще лучше всех!

И, судя по взгляду водителя в зеркале заднего вида, он полностью на нашей стороне.

— Покажите им всем! — бросает он нам вдогонку, когда мы выходим из машины.

— Так точно! — с улыбкой отзывается подруга.

Хейз.

— Эй, бро, это ты её пригласил?!

— Ты о ком?!

Майлз многозначительно округляет глаза и кивает в сторону гостей.

— О НЕЙ!

Я резко разворачиваюсь. После шести шотов текилы перед глазами слегка плывёт, тем не менее я почти мгновенно выхватываю из толпы знакомую фигурку.

Твою ж мать!

В центре гостиной стоит Шелби. Шелби!

Хочется орать, но вместо этого я сканирую её злющим взглядом, подмечая малейшие детали.

На ней черное платье, длиною примерно чуть ниже пупка. Оно обтягивает ее тело, словно полиэтиленовая пленка, не оставляя места фантазии. Понятия не имею, как называется ее обувка и для кого она придумана, но ЭТО скорее напоминает съехавшие вниз чулки. Иными словами, весь ее наряд — откровенная провокация.

Вот и парень, с которым в данный момент беседует Шелби, буквально раздевает ее глазами. Но она словно ничего не замечает: запрокинув голову, хохочет над какой-то его шуткой.

В следующий миг я уже несусь вперёд. Совершенно не понимаю, какого чёрта двигаюсь к ней. Прихожу в себя, только когда оказываюсь рядом, бесцеремонно оттеснив незнакомца.

Заметив меня, Шелби изумлённо хлопает ресницами. На лице такое неподдельное удивление, словно моё появление стало для неё полной неожиданностью.

— Хейз, какой сюрприз!

— Какого хрена ты заявилась сюда?

— Странный вопрос, — мурлычет она и обольстительно щурится. — Зачем ходят на вечеринку? Чтобы поразвлечься.

Я сразу понимаю, что Шелби изрядно пьяна. Оглядываюсь и замечаю её черноволосую подружку, повисшую на Шейне примерно в таком же развесёлом состоянии.

— Мне сказали, здесь будут самые горячие парни, — доверительно сообщает Шелби. — Тебе ли не знать, милый Хейз: я предпочитаю только самых-самых.

— Не в моём доме, — чеканю я.

— Ой, прости, я не знала, что ты здесь живёшь, — выпаливает она с наигранным изумлением. — Послушай, не хочешь меня видеть — просто не смотри в мою сторону. Но Стеф я одну не оставлю. Придётся потерпеть меня какое-то время.

Разумеется, я не купился на этот дешёвый трюк. Уверен, Шелби точно знала, что я буду здесь. Её враньё злит ещё сильнее. Больше всего на свете мне хочется уязвить её так, чтобы стереть с лица беззаботную улыбочку. А ещё — заставить бежать отсюда куда глаза глядят.

Нужные слова находятся мгновенно.

— Это несложно. Ты для меня пустое место.

Похоже, мне удаётся выбить почву у неё из-под ног. Расслабленное до этого тело каменеет, а глаза превращаются в два лазерных прицела. Кажется, сейчас в меня выпустят всю обойму.

Но Шелби ограничивается гневным:

— Чудесно!

— Чудесно!

— Не повторяй за мной, как попугай! — рявкает она.

— Не таскайся за мной, как собачонка!

Маски окончательно слетают. Мы смотрим друг на друга, как два разъярённых быка.

— Да пошел ты! Думаешь особенный? — гневно выпаливает Шелби. — Знаешь, сколько у меня было парней после тебя? Десятки! Де-сят-ки. И гораздо более способных, заметь!

Наше маленькое представление уже собрало зрителей. Стоящие поблизости парни и девушки, не стесняясь, прислушиваются к гневному диалогу и, кажется, скоро начнут делать ставки. Заметив это, резко хватаю ее под локоть и тяну в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

- Поговорим без зрителей.

Она выдёргивает руку, но идёт следом.

Оказавшись в своей комнате, захлопываю дверь и подхожу к Шелби предельно близко, неотрывно глядя в глаза.

— ЗАЧЕМ. ТЫ. ЗДЕСЬ?

Растерявшись, она делает маленький шаг назад, но тут же вскидывает подбородок и дерзко заявляет:

— Напомнить себе, почему ты казался мне «номер один». И знаешь, что? Я ошибалась. После второго, третьего и прочих парней, ты как-то померк. Не зря говорят: все познается в сравнении.

Она точно знает, куда бить. На меня словно вылили цистерну с раскаленным металлом. Все тело охвачено огнем, пульс мгновенно подскакивает до предельных оборотов, от кипящих эмоций не могу сделать ни вздоха. Еще никому и никогда не удавалось так меня задеть.

— Ну ты и стерва! — со свистом выдыхаю я и резко срываюсь с места, хватая Шелби за плечи.

На секунду в ее глазах мелькает паника. Но в следующий миг она облизывает губы и шепчет:

— Не сдерживайся, Хейз. Отпусти всех своих демонов.

Фраза из прошлого срабатывает как спусковой механизм. В памяти вспыхивают картины нашей прежней близости, смешиваясь с яростью и ревностью. На мгновение я забываю обо

всём: ненависти, предательстве и данных себе обещаниях никогда и ни при каких обстоятельствах не прикасаться к ней.

Резко разворачиваю Шелби и прижимаю лицом к стене. Платье мгновенно превращается в поясок и повисает на талии. Вклиниваю ногу между ее коленей и развожу их. Трусики порванными лоскутами летят в сторону, как и упаковка от презерватива. Стремительно раскатываю резинку на члене, вторую руку протискиваю между шелковистых бедер. В ответ слышится хриплый стон, ее спина выгибается, отчего влажная киска еще больше раскрывается мне навстречу. Не в силах больше терпеть, вхожу в нее и чувствую, как под моим натиском растягивается горячая плоть. Короткими рывками продвигаюсь все глубже. И с каждым толчком во мне будто взрываются миллион кокаиновых пузырьков. Охренительные ощущения, самые лучшие, такие от которых испаряются последние остатки разума.

— Вспомнила? Но теперь, дорогая, все будет иначе.

Откинув всяческую сдержанность, я принимаюсь вколачиваться безудержными, жёстким толчками. Мои руки без остановки тискают груди, выкручивая соски, раскатывая их между пальцами. Я прикусываю нежное плечо, почти рычу от переполняющего восторга.

До слуха доносятся бессвязные всхлипы. Шелби полностью подчиняется ритму, превращаясь в моих руках в расплавленный воск – горячий, податливый, в него хочется погрузится целиком. И я ныряю в пучину ощущений, отпуская всех своих демонов.

От неистового напора, безудержного возбуждения в ушах шумит, перед глазами лишь ее смазанный профиль с приоткрытыми губами, с которых продолжают срываться стоны. Чертовски соблазнительный вид! Хватаю ее за подбородок и притягиваю лицо к своему. Впиваюсь в ее рот, и Шелби мгновенно отвечает на поцелуй. Наши языки сплетаются в сумасшедшем танце. Мы пьем друг друга залпом, пока наши тела дрожат и бьются в яростной схватке.

Предельно тесное, безумное скольжение задействуют все рецепторы, и каждое проникновение как мощный прилив удовольствия. Невзирая на резинку, я стремительно несусь к разрядке. И хотя соблазн оставить ее ни с чем велик, все же дотягиваюсь пальцами до набухшего клитора. Несколько круговых движений и она вся сжимается на мгновение, а в следующую секунду с протяжным криком кончает. Гибкое тело сотрясается в безудержном оргазме, ногти царапают стену. Ее голова запрокидывается назад, открывая мне доступ к шее. Впиваюсь зубами в нежную кожу, продолжая вколачиваться в тугое, спазмирующее лоно. Напряжение в паху все нарастает, множится, финальный рывок… и меня сносит мощной волной наслаждения.

Ноги слабеют, и чтобы сохранить равновесие, я упираюсь ладонью в стену. Мы оба тяжело и громко дышим, пытаясь прийти в себя. Что не так-то просто, учитывая полную дезориентацию во времени и пространстве.

Кое-как отлепляюсь от нее и делаю шаг назад, еще один, пока не упираюсь бедрами в столешницу. Она разворачивается ко мне лицом, приваливаясь спиной к стене. Мой взгляд невольно опускается на полные груди с дерзкими точащими сосками. Ловлю себя на мысли, что вновь хочу накрыть их ладонями.

Пока не совершил опрометчивых действий, перевожу внимание на лицо. По губам скользит ленивая улыбка сытой кошки. Кажется, вот-вот в комнате раздастся довольное урчание.

— Здесь есть ванная? — хриплым голосом спрашивает Шелби.

— В конце комнаты.

Ничего не говоря, она снимает обувку и скрывается за дверью. Слышится шум льющейся воды, какая-то возня. Тем временем я натягиваю боксеры, застегиваю джинсы и пытаюсь очухаться. Сознание до сих пор в полнейшем нокауте.

Когда спустя десять минут она выходит, я успеваю вернуть себе хоть какое-то подобие хладнокровия.

— Тебе пора.

— Пожалуй, ты прав. Но прежде, чем я уйду, давай-ка проясним один важный момент.

Она приближается, шедеврально покачивая бедрами. Эти движения действуют на меня как маятник гипнотизера, погружая в некое подобие транса. И все старания вернуть контроль над ситуацией летят к чертям.

Черная ткань соблазнительно обтягивает стройные загорелые бедра. И мне прекрасно известно, что на ней нет белья, ведь я разорвал ее трусики в клочья. А значит, стоит чуть потянуть ткань вверх, и я увижу оголенную, гладко выбритую киску. Эта картинка захватывает все мое воображение.

Чтобы избавиться от наваждения, я трясу головой. Но это не помогает. Я по-прежнему хочу ее так сильно, что путаются мысли, а тело живет своей жизнью.

Шелби вскидывает руку и делает вид, что смотрит на воображаемые часы.

— Две минуты, тридцать секунд. СЛАБОВАТО, Хейз. И недостаточно, чтобы вспомнить и уж тем более вернуть тебе статус лучшего. — ее глаза полны насмешки.

— Однако это не помешало тебе бурно кончить.

— Я притворялась, — насмешливо заявляет она.

Наглое вранье! Ведь ее оргазм я чувствовал столь же явственно, как свой.

— Уходи, — рычу я, чувствуя, как в груди поднимается знакомая волна яростного негодования.

— Конечно, но сначала помоги мне с платьем.

Шелби разворачивается ко мне спиной. Расстёгнутая молния открывает обзор на обнаженную спину. Когда мои глаза добираются до соблазнительных ямочек на пояснице, я едва сдерживаюсь, чтобы не запустить руки в прорезь молнии и хорошенько сжать упругие ягодицы.

— Только помедленнее… ТО-РО-ПЫ-ГА, — жестко припечатывает она, чеканя слово по слогам, чтобы я наверняка расслышал.

Торопыга?

ТОРОПЫГА?!!

Чувствую, как стремительно лопаются капилляры в глазах. Как? Как ей удается каждый раз довести меня до белого каления? Не в силах совладать с кипящими эмоциями, хватаюсь за края платья, но вместо того, чтобы соединить их, резко срываю с плеч и тянут вниз.

— Какого… — конец фразы обрывается, поскольку я резко хватаю ее за талию и кидаю на кровать.

Не дав опомниться, опускаюсь сверху, вдавливая Шелби в матрац.

— Сама напросилась. Тебя ждет очень… очень долгая ночь. И сегодня в твоей голове и между ног буду только я!

Она силится вырваться, извивается подо мной всем телом, изрыгая проклятия. Я тут же запечатываю ее рот своими губами и целую, пока она не сдается.

Ласкаю, тискаю, сжимаю и трогаю ее, где хочу и так откровенно, как хочу. Пальцами, языком, губами, зарываюсь лицом в груди, царапаю зубами соски и тут же втягиваю поочерёдно в рот, пьянея от медового вкуса ее кожи. И только сейчас понимаю, как мне этого не хватало. Ее бесподобного, пряного аромата, отзывчивого тела, сладких губ и золотистых искорок в глазах. Столь же ненасытно Шелби исследует мое тело, ластится и прижимается ко мне, задыхаясь от удовольствия, с таким же неистовым голодом отвечает на ласки.

Мы оба ужасно соскучились, мы оба хотим одного и того же — друг друга целиком. Проникнуть под кожу, в голову, так глубоко и всеобъемлюще, чтобы вытеснить все мысли, стереть границы, обиды, стать единым целом.

Как когда-то.

Все происходит столь жарко, что мы оба моментально достигаем крайней степени возбуждения, когда прикосновений уже слишком мало. Быстро скидываю одежду.

— Можно без резинки, я теперь пью таблетки. — доносится прерывистый шепот Шелби.

На секунду меня охватывает дикий восторг. Но я тут же вспоминаю ее слова о десятках (де-сят-ках!) партнеров и жестко обламываю:

— Еще чего! Не хватало подцепить от тебя какую-нибудь заразу.

Голубые глаза мгновенно темнеют от гнева, а рука взмывает вверх, явно намереваясь отвесить пощечину. Успеваю перехватить тонкое запястье и припечатываю к подушке. Вскоре в моей власти оказывается и вторая рука. Обездвиженная, беспомощная, распластанная подо мной в самой откровенной позе, Шелби тяжело и рвано дышит, продолжая испепелять меня злющими глазами. С наслаждением наблюдаю, как она бесится и одновременно изнывает от желания продолжить.

Не сводя с нее взгляда, натягиваю резинку и врываюсь в готовое, мокрое лоно. Весь окружающий мир исчезает. Остаемся только мы: два обнаженных человека, чьи сердца переполняет ненависть, обозленная, ощетинившаяся, потому что сегодня она проиграла, уступив место другому, глубоко запрятанному, но живому чувству.

***

Она падала в пропасть наслаждения, и я летел следом за ней. Снова и снова. Мы сношались, как сумасшедшие всю ночь напролет. Я был груб, почти жесток, я был нетерпелив, и она ни в чём не уступала, обессилев лишь под утро.

Безумие, наваждение, называйте, как хотите. Но происходившее между нами былосильнее нас. Мы словно изголодавшиеся, уставшие от одиночества и незаживающих ран звери, старались компенсировать отсутствие близости душевной, безудержным сексом на грани боли и блаженства.

Даже не помню, в какой момент мы провалились в сон.

Просыпаюсь, когда середина дня явно давно миновала. Поворачиваю голову и обнаруживаю, что кровать пуста. Шелби ушла, пока я спал, не попрощавшись.

Может, оно и к лучшему.

От прошедшей ночи остались обрывки воспоминаний, усталость и ощущение, будто я собственными руками разрушил все щиты, которые так старательно выстраивал весь последний год. Теперь притворяться, что Шелби для меня пустое место, стало гораздо сложнее.

Пока валяюсь в кровати, прокручиваю в памяти события минувшего вечера и понимаю, что ни черта не понимаю. Зачем Шелби пришла? Чего хотела? Почему ищет встреч, если год назад бросила меня?

И какого хрена творю я сам?

На последний вопрос отвечать хочется меньше всего. Потому что мне нет оправданий. Повелся, как последний идиот.

Так и не разобравшись в собственных мыслях, натягиваю домашние шорты и спускаюсь за водой. На кухне обнаруживается изрядно помятый и лохматый Шейн. При виде меня его глаза округляются.

— Эй, бро, что это было? Мы обдрочились на ваши стоны.

— Да, Хейз, — из-за открытой дверцы холодильника выглядывает не менее потрясённый Майлз. — Зачем ты утащил ее в комнату?

Хотелось бы мне знать.

Окинув друзей хмурым взглядом, я не придумываю ничего лучше, чем сделать вид, будто всё произошло именно так, как я и задумал.

— Надо было кое-что напомнить крошке Эллингтон.

— Полагаю, ты не просто напомнил, — Шейн задумчиво чешет затылок, — а выгравировал своим членом на ее вагине.

— Очень верно подмечено, брат.

Эти придурки отбивают друг другу пять, страшно довольные сочным эпитетом. Стараясь не обращать на них внимания, иду к кухонному шкафу за стаканом. Наполнив водой, жадно выпиваю все до последней капли. Оборачиваюсь и вновь напарываюсь на две пары горящих любопытством глаз.

К счастью, со второго этажа доносится трезвон моего мобильника. Я тут же возвращаюсь в комнату.

На экране светится входящий от Аманды. Странно. Мы не такие закадычные друзья, чтобы созваниваться в выходные. Что ей нужно?

— Надеюсь, у тебя веская причина для опоздания, — раздаётся её слегка раздражённый голос. — Потому что я уже пятнадцать минут сижу в баре одна.

Секунду соображаю, затем резко зажмуриваюсь.

Чёрт! Совсем из башки вылетело!

Встреча с Амандой. Сегодня. В четыре.

То есть пятнадцать минут назад.

— Да, извини. Водитель отменил поездку, — вру на ходу. — Уже вызываю другую машину.

Завершаю разговор, натягиваю первую попавшуюся одежду и заказываю такси. Пока приложение ищет водителя, умываюсь и чищу зубы.

Меньше всего сейчас хочется куда-то ехать. Но и отменять встречу, совсем уж свинство.

Подхватив телефон, спешу вниз.

Глава 5.

Шелби.

Лёгкий поворот корпуса, взмах — и мячик летит вперёд. Эрни стрелой срывается с места, а мои мышцы отзываются тянущей болью. Словно всю ночь напролёт моё тело утюжил танк. Хотя почему «словно»? Фактически так и было. Гигантский, мускулистый и неутомимый танк с шильдиком «Хейз» на бронированном корпусе.

Не проходит и минуты, как мой пес радостным козликом возвращается, удерживая в пасти мяч. На собачьей морде столько искреннего восторга, что я невольно улыбаюсь.

Но стоит повернуть к выходу из парка, как у обоих стремительно портится настроение. Эрни плетётся, опустив хвост, а я изо всех сил гоню от себя тоску. Видит бог, если бы была хоть какая-то возможность поселить его у себя, я бы сделала это не задумываясь. Но такой возможности нет.

Мы долго прощаемся у бокса. Под жалобный скулёж я в последний раз чешу его за ухом и заставляю себя подняться.

— Скоро увидимся, малыш.

Передав поводок Оливии, отхожу на несколько шагов, но всё-таки оборачиваюсь. Эрни стоит у дверцы, навострив уши, и смотрит с такой надеждой, что сердце разрывается. Приходится торопливо отвернуться и поспешить к выходу.

Возвращаюсь в общежитие в самых растрёпанных чувствах. В большой гостиной на первом этаже замечаю Стеф: она сидит в кресле и болтает с соседкой. Но, едва взглянув на мою унылую физиономию, быстро завершает разговор и спешит навстречу.

— Что случилось?

— Навещала Эрни.

— С ним всё в порядке? — мгновенно настораживается подруга.

— Да, в целом всё хорошо. Но видела бы ты его грустную мордашку, когда я уходила.

Она шумно выдыхает и смотрит на меня с сочувствием.

— Не переживай, за ним есть кому присмотреть. А вот насчёт тебя я не уверена. Может, поделишься, что вчера произошло?

Утром, после возвращения, мне удалось отбиться от расспросов Стеф. Сейчас понимаю: допроса не миновать.

Мы поднимаемся к себе, и всё это время я чувствую на себе испытующий взгляд подруги. Остановившись посреди своей спальни, несколько секунд размышляю, готова ли рассказать о случившемся, и прихожу к выводу, что мне это просто необходимо. Иначе сойду с ума от противоречивых мыслей.

Но сначала достаю из мини-холодильника две банки колы и одну протягиваю Стеф. Не знаю, как это работает, но после наших посиделок мне всегда хочется именно колы без сахара. Открыв банку, делаю несколько жадных глотков. Прохладная жидкость прокатывается по пересохшему горлу, принося облегчение.

— Знаю, тебе не терпится всё узнать. — Опускаюсь на кровать и принимаюсь рассматривать свои руки, избегая её взгляда. — Мы провели с Хейзом всю ночь. Но… всё было не так, как я себе представляла. Едва ли это тянет на примирение.

— Не совсем тебя понимаю.

— Это скорее напоминало противостояние. Борьбу. Ни капли нежности, никакого единения. Всё с точностью до наоборот. Словно два непримиримых врага встретились в постели, но вместо слов использовали собственные тела, чтобы уязвить друг друга побольнее.

— Погоди, — Стеф мгновенно настораживается, - ты сейчас о том, что все происходило непривычно или тебе было по-настоящему больно?

Я опускаю глаза на банку.

— Скорее непривычно.

— А-а-а, — выдыхает подруга, — перевожу: у вас был очень бурный секс. Вообще-то так бывает после долгого перерыва.

— Наверное, — соглашаюсь я, хотя вовсе не уверена, что Стеф права.

Раньше мы с Хейзом относились друг к другу с трепетом. И даже особо бурный секс проходил с изрядной долей осторожности. А минувшей ночью мы оба словно слетели с катушек. Не подозревала, что Хейз может вести себя настолько откровенно, если не сказать развязно. И уж точно не ожидала подобного от себя.

Думаю, причина все же кроется в скопившемся между нами напряжении. Ведь если долгое время не давать выход эмоциям, рано или поздно они вырываются наружу неконтролируемым, разрушительным извержением. Да, пожалуй, дело в этом. По крайней мере, другого объяснения я пока не нахожу.

— А что было утром?

— Ничего. — Я пожимаю плечами. — Ушла, пока он спал.

На пару секунд Стеф замирает, а потом разражается возмущённой тирадой:

— Серьёзно?! Ты же мечтала с ним поговорить! А когда наконец представилась возможность, сбежала, как трусливая курица?

— Обзывайся сколько хочешь, но как я, по-твоему, должна была поступить? Дождаться, когда он проснётся, и сказать: «С добрым утром, Хейз! Надеюсь, ты хорошенько выспался. А теперь давай-ка обсудим тот день, когда я тебя бросила»?

— Именно так. Иначе ещё год будешь ходить вокруг да около и страдать. Напиши ему, что хочешь поговорить, и предложи встретиться.

— Он не читает мои сообщения.

— Тогда устрой сюрприз. Заявись в гости и убеди поговорить, — не сдается Стеф.

— Не уверена, что мне это по силам.

— Хватит рассусоливать! Возьми себя в руки и объяснись с ним! Только так ты сможешь вернуть Хейза.

Заметив, что я всё больше замыкаюсь в себе, подруга шумно выдыхает и садится рядом.

— Я на твоей стороне, потому что знаю правду. Как только её узнает Хейз, у него хотя бы появится возможность всё переосмыслить. Может, не сразу. Возможно, ему понадобится время. Но пока ты молчишь, он видит только свою сторону истории.

— Наверное, ты права.

— Конечно, я всегда права. — Она ухмыляется и салютует банкой колы. — А теперь переодевайся и топай к нему!

Бросив взгляд на заляпанные после прогулки с Эрни штаны, подхожу к шкафу и окидываю задумчивым взглядом одежду. К такому разговору нужно подойти во всеоружии, поэтому переодеваюсь в чистые джинсы, белую футболку, сверху накидываю пиджак. Вот теперь порядок. Я выгляжу достаточно скромно и безобидно – идеально для серьезной беседы, в которой мне отведена незавидная роль без вины виноватой злодейки.

Хейз.

— Бурная ночка? — приподняв бровь, интересуется Аманда, стоит мне приблизиться.

Очевидно, видок у меня действительно помятый, раз сокурсница сжалилась и решила не устраивать головомойку из-за получасового опоздания.

— Типа того. Хаксли вчера устроили вечеринку. Сама понимаешь…

Я намеренно обрываю ответ, надеясь избежать дальнейших расспросов. И это срабатывает.

— Понятно… — Она кивает. — Я заказала нам по пиву.

— Спасибо.

Плюхнувшись на стул, подзываю официанта и добавляю к заказу бургер. Ужас как хочется есть.

Тем временем Аманда сообщает:

— С утра снова просматривала материалы по делу.

— В субботу утром? Напомни мне в следующий раз пригласить тебя на вечеринку.

— Очень заманчиво, но, пожалуй, воздержусь. Я не большая поклонница студенческих попоек. На первом курсе было весело, сейчас уже не очень.

Она на секунду задумывается, покручивая бутылку.

— У меня всё никак не выходит из головы один момент: зачем Барнс причинил Дженне такую боль? Можно поговорить, на крайний случай поскандалить и расстаться. Но физическое насилие… Зачем?

Меньше всего на свете мне сейчас хочется устраивать мозговой штурм. Но, как ни странно, ответ находится сразу.

— По словам Дженны, у неё появился другой и она решила расстаться с Барнсом. Не знаю ни одного парня, которому понравилось бы узнать, что ему нашли замену. Так что, скорее всего, причина в ревности. Страшное чувство, зачастую толкающее людей на самые необдуманные поступки.

Сказав это, оторопело умолкаю, ужасаясь самому себе. А ведь именно из-за ревности я вчера слетел с катушек. Не внезапное появление Шелби, не её откровенный наряд, а упоминание о других мужчинах, взбесило меня.

В голове эхом проносится её издевательский голос:

«После второго, десятого и прочих парней ты как-то померк. Не зря говорят: всё познаётся в сравнении».

Именно эти слова сработали как спусковой механизм. Отчётливо помню обжигающую вспышку ярости. Желание причинить боль. Заставить страдать так же, как в тот момент страдал я.

Выходит, я ничем не лучше Барнса?

Та же агрессия. Та же ревность, за которой так удобно спрятать собственную жестокость. Перед глазами вспыхивает короткая картина: мои пальцы впиваются в плечи Шелби. Паника в её глазах.

Я крепче сжимаю бутылку.

— Одно дело злиться, ревновать, совсем другое резать человека наживую. Ты видел на фото ее раны?! Это же чистой воды изуверство! А кроме того, уверена, шрамы от них останутся на всю жизнь.

И тут происходит нечто странное. В памяти всплывает шрам. В какой-то момент ночью Шелби так повернулась, что пряди волос рассыпались, открыв взору ужасную отметину. Тогда я не придал этому значения, но сейчас воспоминание о нем пробудили целый ворох тревожных мыслей.

Откуда он? Что случилось? Кто-нибудь причинил ей боль или это был несчастный случай? И почему я даже не спросил?

С другой стороны, а разве у меня не осталось шрамов после нашего разрыва? Пусть и невидимых, но от этого не менее болезненных.

— Хейз, прием, ты еще на связи?

Голос сокурсницы выводит меня из задумчивости. Собравшись с мыслями, отвечаю:

— Мы ведь не знаем, как именно Дженна сообщила ему о разрыве. Что сказала. Вполне возможно, она сама его спровоцировала.

Аманда перестаёт крутить бутылку.

— Говоришь так, словно оправдываешь Барнса… или дело в другом? Ты слишком лично реагируешь. Я ведь права?

— Лишь отчасти. — морщусь я и делаю глоток пива, чтобы скрыть замешательство.

— Та девушка, которую мы встретили возле университета?

— Которая?

— Блондинка. После неё ты ещё минут пять разговаривал сквозь зубы.

Криво усмехаюсь.

— Вы очень наблюдательны, мисс Джонс.

— Иногда полезно смотреть по сторонам, а не только в папку с документами.

— Давай сменим тему.

Аманда выдерживает паузу, затем кивает.

— Хорошо.

К счастью, она не пытается вытянуть из меня подробности. Вскоре приносят бургер, и разговор постепенно возвращается в более безопасное русло: занятия, преподаватели, выходки Хаксли. Выясняется, что за пределами офиса Джонс вполне умеет смеяться — и даже не обязательно надо мной.

К концу встречи мы приходим к выводу, что, пожалуй, нам стоит иногда видеться вне стен Гарварда и офиса.

Хейз.

Домой я возвращаюсь ближе к семи и с порога получаю не самые приятные новости.

— Наверху тебя кое-кто ждёт. — Шейн кивает в сторону лестницы.

Я ср

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.